

честь имею

Александр
ТАМОНИКОВ

**ВЫСОКИЙ
РЕЙТИНГ ПРОДАЖ**

ГОРНЫЙ БЛОКПОСТ

Тамоников. Честь имею

Александр Тамоников

Горный блокпост

«ЭКСМО»

Тамоников А. А.

Горный блокпост / А. А. Тамоников — «Эксмо», — (Тамоников. Честь имею)

ISBN 978-5-699-25522-1

В самом узком месте Катаванского ущелья стоит блокпост. Два взвода спецназа внутренних войск преграждают путь караванам оружия, идущим из Грузии в Россию. Заграждение надежное – в капонирах два БМП, прорыты защитные траншеи, есть минометный расчет. Сколько ни пытались наемники прорваться с боем – так и не смогли. Вот только командиры обоих взводов оказались разные. Настолько, что стали врагами. А как иначе? Капитан Бекетов готов до последней капли крови защищать ущелье, чтобы не просочился ни один наемник. А старлей Жаров на этой беспощадной войне преследует совсем другие цели. За миллион долларов он способен пойти на предательство – оставить блокпост без прикрытия, чтобы прошел целый отряд. Но, как известно, предатели долго не живут...

ISBN 978-5-699-25522-1

© Тамоников А. А.

© Эксмо

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
Глава первая	9
Глава вторая	21
Глава третья	33
Глава четвертая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Тамоников

Горный блокпост

ПРОЛОГ

Станица Разгульная, суббота, 18 сентября.

Молодой человек в джинсах и черной майке остановил белую «девятку» возле кафе на выезде из населенного пункта. В здание заходить не стал, устроился на улице, на площадке под навесом, за небольшим круглым столиком. Бросил перед собой пачку сигарет, зажигалку, закурил. К нему подошел парень-официант:

– Доброе утро, уважаемый! Что будете заказывать?

Молодой человек взглянул на часы: 11-02. Действительно, еще утро. Хотя... но это неважно.

– Чашку настоящего кофе.

– Еще что?

– Пока все. И пригласи ко мне хозяина кафе, надеюсь, он на месте?

– На месте. Недавно приехал.

– Иди.

Парень, поклонившись, отошел от столика и скрылся за стеклянными дверями кафе.

Вскоре к молодому человеку вышел мужчина лет сорока:

– Салам, Оман!

– Салам, Шота! Как у тебя, все спокойно?

– Было спокойно. Если только ты не притащил за собой «хвост» особистов из гарнизона.

– Не волнуйся, я чист, как стеклышко.

– В части искать не будут?

Молодой человек взглянул на хозяина кафе:

– Шота! Ты, конечно, старше, и я уважаю твой возраст, но не кажется ли тебе, что ты задаешь вопросы, ответы на которые тебя совершенно не касаются?

– Молчу. Расул ждет тебя в моем кабинете! Лучше, если зайдешь с черного хода, от туалета.

– Я так и сделаю.

Хозяин кафе удалился, подошел официант.

Выпив чашку кофе, Оман Мансуров, сержант-контрактник батальона специального назначения, дислоцирующегося на территории небольшого гарнизона в 10 километрах от станицы, встал, направился к туалету, оттуда прошел к зданию, вошел в кафе через тыловую дверь. Очутился в коридоре. И сразу же вошел в кабинет, который находился справа по ходу из зала в первой комнате. Там, устроившись в кресле за журнальным столиком, сидел мужчина неопределенного возраста, чьи годы скрывала окладистая, с проседью, аккуратная борода. Увидев гостя, мужчина произнес:

– Ты опаздываешь, Оман. Нехорошо заставлять старших ждать.

Сержант ответил:

– Я прибыл вовремя, пил кофе, отслеживая обстановку, или Шота не доложил тебе об этом?

– Докложил, но в перестраховке нет никакой необходимости. Мои люди контролируют ситуацию.

– Это хорошо.

– Да, это хорошо. Что имеешь сказать?

- Наш взвод уходит к Катавану послезавтра, в понедельник утром.
- Так. Значит, следующую неделю на блокпосту будешь ты с Жаровым?
- Точно.
- Тогда караван пойдет в ночь со среды на четверг. В полночь он дойдет к утесу. Проводник будет ждать сигнала на три часа. В общем, все, как всегда.
- Хорошо, Расул. Караван пройдет через пост.
- Расул усмехнулся:
- Не сомневаюсь. Как ведет себя старший лейтенант?
- Нормально. А как он еще может себя вести?
- Не нервничает? Иногда, знаешь, люди, связанные с нашим бизнесом, начинают нервничать. С Жаровым не происходит подобного?
- Мансуров отрицательно покачал головой:
- Нет, лейтенант в порядке. Ему придает уверенность то, что он не один, и особенно, что вместе с ним работает и замполит части! Да и деньги, что он получает, сглаживают настроение. Так что старлей весел, за бабами ударяет. Вот только жаден, но этого уже не исправить.
- Расул махнул рукой:
- Жадность не самое худшее качество офицера. Было бы хуже, если б он сорил деньгами, вызывая вполне обоснованный вопрос, а откуда у взводного такие «бабки».
- Жаров спросит, сколько за пропуск этого каравана ты отвалишь «зеленых».
- Передай, пятьдесят тысяч. Сразу после возвращения взвода с блокпоста. А значит, в следующий понедельник здесь же, в кафе.
- Наркота пойдет?
- Да. Ты можешь об этом знать, Жаров с Индюковым – нет!
- Они и не узнают. У тебя все?
- Все. Да, чуть не забыл, Мулат решил выставить пост наблюдения за вашим объектом. Наблюдатель начал работу вчера. Так что, если какие проблемы, сразу весточку мне.
- Где Мулат посадил наблюдателя?
- В пещере, рядом с трещиной, на противоположном от блокпоста склоне Катаванского ущелья.
- Зачем?
- А вот это, Оман, не твое, да и не мое дело. Мулат сам определяет, что и зачем делать.
- Ладно. Пошел я.
- Давай, брат. Удачи тебе.
- Спасибо.
- Мансуров вышел, сел в «девятку», проехал до канала. У моста остановился. Искупался. После чего направил автомобиль через станицу в сторону военного городка. Проехав контрольно-пропускной пункт, встал возле офицерского общежития. Посигналил и, выйдя из салона, направился в беседку, что стояла у волейбольной площадки, и сейчас была пуста. Вскоре к нему присоединился командир первого взвода первой роты спецназа, двадцатитрехлетний старший лейтенант Игорь Жаров.
- Как съездил, Оман?
- Нормально, командир, встретился с Расулом, сообщил, когда заступаем на блокпост. Караван с той стороны пойдет в ночь со среды на четверг. Оплата за пропуск – полтинник.
- Это хорошо. Что еще сказал Расул?
- То, что Мулат на противоположном от объекта склоне установил пост наблюдения.
- Взводный удивился:
- Зачем?
- Сержант ответил:
- Вот и я его об этом спросил. Сказал: не наше дело.

– А если что, она без нас – никуда! Ладно, хрен с ним, с этим наблюдателем, пусть смотрит, если интересно. Оплата как обычно?

– Да.

– Добро. Ты сейчас переоденься и иди в роту. Займись подготовкой взвода к выходу, а я навещу замполита.

– А стоит? Расул наверняка уже с ним контактировал.

Старший лейтенант вздохнул:

– Не нравится мне все это! Мы должны работать единой командой, а получается не пойми что!

– Скорее всего так и задумано, чтобы никто до конца ничего не понимал.

– Это значит, и Расул, и Мулат не исключают варианта развала бизнеса. А для нас, Оман, развал равносителен провалу и грозит большими проблемами!

Мансуров успокоил подельника:

– Ничего, командир. Если что, успеем скрыться. Есть у меня и путь отхода, и место длительного отстоя, и проводник, который переправит за «бугор». Главное, иметь в запасе, как минимум, сутки. Но давай не будем о грустном. Работать нам немного. Поставят пограницы вместо блокпоста заставу – и хана проходу через Шунинское ущелье. И к нам никаких претензий. Все будет нормально, Игорек!

– Ладно, иди в подразделение. Я позже тоже подойду.

– А как же насчет дискотеки? Иди пропустишь?

– Одно другому не мешает. Все, разошлись.

Мансуров сел в автомобиль и проехал внутрь городка, где в доме с мансардой находилась его квартира, в которой он жил с супругой Розой.

Старший лейтенант, облачившись в форму, пошел в штаб батальона.

Дежурный по части, командир 2-го взвода все той же первой роты, капитан Юрий Бекетов стоял на крыльце штаба и курил, стряхивая пепел в урну. Увидев сослуживца, немного удивился:

– Привет, Игорек, тебя каким ветром сюда занесло?

– Здравия желаю, товарищ капитан. А занесло меня сюда ветром попутным!

– А если серьезно?

– А если серьезно, Юра, то Индюк вызвал. Не иначе, лишний раз проинструктировать перед выходом. Он любитель мозги посношать, да ты майора лучше меня знаешь!

Жаров говорил неправду.

Капитан только что вышел из дежурки, где сидел перед коммутатором более часа. За все это время ни замполит никому не звонил, ни с ним никто не связывался. Посыльного за Жаровым мог тоже послать только Бекетов. Он этого не делал. Так каким образом Индюков вызвал Жарова? И зачем старший лейтенант лжет? Ну, сказал бы, что сам решил зайти к майору, и все дела. Это его право.

Жаров тем временем прошел в штаб и зашел в кабинет заместителя командира по воспитательной работе. Вышел старлей минут через двадцать, и вышел со словами: «Ты сам знай свое место, майор!» Эта реплика удивила капитана еще больше. Индюков всегда держал себя с офицерами строго, не позволяя даже намека на фамильярность. А тут вдруг какой-то взводный явно и открыто грубит майору? Что просто необъяснимо. Капитан вышел из дежурки, когда Жаров проходил мимо. Сделал вид, что не слышал того, как старший лейтенант попрощался с майором. Спросил:

– Ну и что, получил инструкции, Игорек?

– Получил. Как он уже надоел с ними. Каждый раз одно и то же. Инструктаж замполиту удовольствие, что ли, доставляет? Но никуда не денешься, начальство. Пошел повышать моральный дух своих бойцов, как того потребовал наш Индюк!

– Давай!

Старший лейтенант покинул штаб.

Бекетов задумался.

В коридоре появился заместитель по воспитательной части. И никакого раздражения на его лице. Чудеса, да и только! Майор подошел к дежурному:

– Я в третью роту, затем в столовую. После обеда буду дома!

– Ясно, товарищ майор.

– Происшествий никаких?

– Никак нет, товарищ майор!

– Ну и ладно. Счастливого отстоять наряд, капитан.

– Спасибо!

Проводив заместителя командира батальона, Бекетов вернулся в дежурку, сел за пульт, на котором в углу был закреплен коммутатор. Взглянул на панель, ни один индикатор не светился. Значит, никто никуда не звонит! И все же, что произошло между Жаровым и Индюковым? Почему замполит проглотил очевидное хамство подчиненного? Или их объединяют особые, скрытые ото всех остальных офицеров батальона отношения? Странно. Все очень странно. Впрочем, шло бы все к черту! Сегодня дискотека. И сегодня Юрий вновь увидит Кристину. Пригласит на танец! Неужели и сегодня она откажет ему, как в прошлый раз? Но тогда он был сильно навеселе. Сегодня же пить не будет! Но не будет ли? В принципе, рюмашку для поднятия тонуса и снятия усталости принять можно. Или даже этого не стоит делать? Вот дилемма, мать ее! Но почему он должен идти на поводу связистки? Потому, что она нравится ему? А нравится ли он ей? Вроде нравится, об этом ему подруга Кристины сказала. Но раз он нравится Кристине, то она должна принимать капитана таким, как он есть. А она капризничает! С другими же танцует без выпендрежа! Что, все кавалеры всегда трезвы? Да ни один офицер, даже с женой, трезвым на дискотеку не пойдет! Трезвые дома сидят, телевизор смотрят. Черт, когда же кончится этот наряд. Бекетов очень хотел вновь увидеть женщину, которая появилась в его жизни три месяца назад с прибытием в гарнизон отдельной роты связи и которая сразу запал в душу офицера. А увидеть ее он мог только на дискотеке, до которой... капитан взглянул на часы и вздохнул... осталось ни много ни мало – восемь часов, семь из которых ему предстояло провести в наряде. Хорошо еще, что загремел в дежурные по части в пятницу. А если б в субботу?

От мыслей Бекетова оторвала трель звонка телефонного аппарата без цифрового диска. Звонил командир:

– Дежурный по батальону капитан Бекетов слушает вас, товарищ подполковник!

– Зайди ко мне!

– Есть!

Капитан поднялся, поправил портупею с кобурой, бросил помощнику:

– Я у командира, – и вышел из дежурки.

Служба дежурного по части продолжалась.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Горы, кругом горы, перевалы, ущелья, склоны, скалы, трещины. Редкая растительность, трава и кустарник. Низко проплывающие облака. Так низко, что кажется, протяни руку – и достанешь их, заставишь на время зависнуть, снимешь часть снежно-белой влажной массы, чтобы протереть пыльное, обветренное лицо. Но это обман. Облака недоступны так же, как и вершины гор.

Блокпост. Полевое стрелковое сооружение, искусственное сооружение из блиндажей, капониров боевых машин, огневых точек, связанных между собой вырубленными в горной породе ходами сообщений. Участок, занимающий по площади примерно один гектар юго-восточной оконечности плоскогорья, клином расположившегося по вершинам склонов Катаванского и Шунинского ущелий, захватившего усеченную высоту 204,0. Блокпост, охваченный по периметру колючей проволокой, смотрелся со стороны, особенно сверху, неестественно, грубо разрушая сложившийся веками ландшафт данной местности. Ничего и никогда ранее здесь не было. Как не было и границы, появившейся вдруг по велению тех, кто решил, что союзному государству больше не существовать. Границу политики худо-бедно по карте определили, а вот оборудовать ее в горах так и не смогли. Лишь обозначили, выставив где редкие пограничные заставы, где войсковые блокпосты, а где просто врубив в камень металлические столбы с двуглавым орлом на куцей табличке. Взгляд у пограничного орла был какой-то тусклый, запуганный, а вид жалкий, никак не олицетворяющий символ Державы Сильной и Великой! Ну и бог с ним! В конце концов, какова страна, таков и герб. Вернемся к блокпосту у слияния двух ущелий, одно из которых, а точнее дно одного из которых, Катаванского, и являлось границами России с сопредельным государством. Государством, совсем недавно считавшимся дружественным Москве, но после очередной цветной революции на постсоветском пространстве переставшим практически являться таковым. Государством, на территории которого нашли приют лагеря подготовки террористов для поддержания войны в Чечне и республиках Северного Кавказа, откуда подготовленные наемники и моджахеды направлялись в Россию. Как только в Кремле стало известно об этом, в высоких кабинетах зданий по соседству с Красной площадью приняли решение закрыть границу. Приняли решение как всегда быстро, легко и просто, чтобы вовремя отчитаться и показать, что держат нос по ветру. Но то, что просто сделать на бумаге, далеко не всегда так же просто осуществить на практике. Так оно и вышло. Границу начали оборудовать. Опять-таки, как всегда спешно и бестолково. Подразделения пограничных войск выставлялись не там, где этого требовала обстановка, а там, где было обозначено на карте. Иногда получалось так: штабные чины пограничников, прибывшие для рекогносцировки местности, с крайним удивлением обнаруживали, что участок оборудования заставы, обозначенный на карте районом чистого от растительности плоскогорья, в действительности представлял собой гряду неприступных скал, где не то чтобы поставить какой-либо заслон потенциальному врагу, а приземлить свой вертолет было негде! Но как доложить об этом в Москву? И принимались решения ставить заставы, где возможно. Но где возможно, это, как правило, не там, где надо! Хотя какая для штабистов разница, там или не там! Главное выполнить задачу и быстрее свалить в столицу, а уж погранцы званием пониже потом как-нибудь разберутся с обстановкой. Со временем все наладится. У нас на авось многое проходило. Да еще как проходило. Победоносно! Для штабных чинов важно не то, где по их воле предстояло нести тяжелейшую службу офицерам и солдатам горных застав, а то, что эти заставы выставлены! А если и не выставлены еще, так будут выставлены! Раз доложено наверх,

то будут выставлены непременно, даже на скалах или в ущельях! Своевременный доклад для чиновников в погонах с большими звездами гораздо большее, нежели судьбы и жизни тех, кого они своим безграничным желанием остаться у кормушки на теплом местечке, в Москве, обрекают на Кавказе если не на немедленную гибель, то на адские условия службы точно. В результате подобных решений безответственных и безразличных ко всему, что не относится к их личному благополучию, чиновников слияние Шунинского и Катаванского ущелий, очень удобного места для переброски как отрядов боевиков, оружия, так и для транзита наркотиков, осталось на какое-то, весьма продолжительное время никем и ничем не перекрытым. Ближайшие заставы находились отсюда километрах в двадцати-тридцати, то есть не имели физической возможности для контроля над этим районом. И авиация объединенной группировки войск была бессильна даже в проведении периодической воздушной разведки района, так как Катаван, как еще сокращенно называли данную местность, часто затягивался сплошным туманом. Возможно, этот проход еще долгое время оставался бы открытым, если бы не комиссия Генерального штаба. Та быстро оценила обстановку. И 56-й отдельный батальон специального назначения, усиленный ротой связи и минометным взводом, дислоцирующийся в станице Разгульной совместно с полком внутренних войск, получил приказ силами одной роты оборудовать блокпост, с организацией на нем круглосуточного боевого дежурства. Приказ выполнили. Ровно год назад. Сейчас пост представлял собой достаточное мощное укрепление. По вершинам обоих склонов окопы с огневыми позициями для каждого стрелка. Два капонира с боевыми машинами пехоты, блиндажи для командного пункта и укрытия личного состава, полевая кухня и столовая. Все замаскировано, врыто в грунт. И это только с фронта. В тылу, правда, тыл для взводного опорного пункта понятие весьма относительное, и все же в тылу, а именно на высоте 204,0 позиции третьего отделения, расчет из шести минометов. Цель третьего отделения – прикрытие блокпоста с тыла и западного фланга, а также использование в качестве резерва командира дежурного взвода. Все это обнесено двумя рядами колючей проволоки, между которой обильно разбросана «путанка» с сигнальными звуковыми и световыми зарядами. И в завершение описания блокпоста, в восьмистах метрах от него, у начала лесного массива, вертолетная площадка, куда в 8-00 понедельника каждой недели прибывал очередной взвод для смены отстоявшего дежурство подразделения. Командованием батальона полчаса назад было определено, что чередовать на посту все взвода бессмысленно и нецелесообразно, так как батальону приходилось решать и другие задачи. Поэтому, дабы упорядочить несение дежурства на горном блокпосту, комбат подполковник Белянин принял решение «повесить» Катаван на первую роту майора Фирсова. Что так же безоговорочно было принято к исполнению.

И сегодня, в понедельник 20 сентября, в 7-30 четвертый взвод капитана Крабова начал активную подготовку к сдаче поста подразделению старшего лейтенанта Жданова, прибытие которого ожидалось в 8-30!

Два «Ми-8» зависли над плоскогорьем ровно в 8-00, совершив перелет к месту назначения от военного городка у станицы Разгульной в сто с лишним километров. Поднимая пыль, одновременно плавно коснулись шасси самодельных вертолетных площадок. Тут же, не ожидая остановки двигателей, на землю из десантных отсеков начали выпрыгивать солдаты в камуфлированной форме, вооруженные кто автоматами, кто пулеметами, в бронежилетах, имея ранцы и шлемы за спиной. Вместе с вооружением и бронезащитой военнослужащие первого взвода несли в ранцах продукты питания и запас воды на неделю. После солдат из первой «вертушки» сошел статный, симпатичный офицер – старший лейтенант Игорь Леонидович Жаров. Он подал руку облаченной, как и все остальные военнослужащие, в камуфлированный костюм, единственной во взводе женщине. Та, приняв помощь, также спустилась на землю, видимо, по отработанной привычке потряхнув головой так, что ее длинные каштановые волосы, взлетев веером, рассыпались по плечам. Женщине было на вид лет тридцать, может, чуть больше. Но

это не смущало двадцатичетырехлетнего старшего лейтенанта. Пропустив даму, которая являлась сержантом-связистом, вперед, офицер похотливо осмотрел ее со спины. И почувствовал желание. Женщина обернулась:

– Лейтенант! Нельзя ли поскромней? У меня ягодицы задымятся, если ты продолжишь прожигать их своим бесстыжим взглядом!

Жаров сглотнул слюну:

– Валечка! Тысячу извинений, но клянусь мамой, как говорят абреки, такой фигуры я еще не видел! Это нечто!

Сержант Губочкина не без удовольствия усмехнулась:

– Ты всем бабам подобные речи толкаешь, мальчик?

Жаров взял женщину под руку, та не отстранилась, но указала на солдат:

– Игорек! Ты не забыл, для чего прибыл сюда? На нас весь твой взвод пялится.

– Минуту, Валечка.

Старший лейтенант отошел от связистки, грозно, насколько хватило опыта, обратился к подчиненным:

– Ну, чего встали отарой баранов? Не знаете, что надо делать? Сержанты, в чем дело? А ну-ка живо построить взвод по отделениям, в колонну по двое!

Перед толпой вышел заместитель Жарова, сержант-контрактник Оман Мансуров, подал команду:

– Внимание, взвод! ...

Старший лейтенант, не дожидаясь выполнения приказа, вернулся к связистке, кокетливо наклонившей голову немного вправо и приоткрыв полные, слегка подкрашенные губы так, чтобы стали видны ее ровные, белые зубы. Офицер поймал себя на мысли, что уже видел подобные жесты. В порнографических фильмах, которые частенько гонял по виду у себя в номере общежития. Видимо, и Валентина не прочь побаловаться порнушкой. И не только глядя в экран. Несмотря на то, что подразделение связисток прибыло в гарнизон три месяца назад, о Губочкиной сразу расползлись слухи. О том, что и замужем она уже дважды побывала, последний раз за майором, непосредственным начальников. Который бросил ее из-за того, что лично застал в постели с молодым прапорщиком, вернувшись раньше времени из командировки. Говорили, что она баба развратная, но цену набить умеет, так просто ноги не раздвинет. Обязательно потребует что-нибудь взамен. Но уж если допустит к телу, то такую случку устроит, что не всякий и выдержит. На нее это похоже!

Жаров подошел к сержанту:

– Позвольте, Валечка, продолжить разговор?

– Отчего нет? Ведь нам с тобой, лейтенант, хочешь, не хочешь, а неделю в одном блиндаже провести придется. Правда, ночью через ширму, но ... что такое ширма? Тряпка! Я права?

– Абсолютно! Абсолютно права, Валечка!

– Тогда догоняем взвод, Игорек!

– С удовольствием.

Он вновь взял связистку под руку. Парочка двинулась за подразделением. До периметра колючей проволоки, до прохода в нем, по равнине им предстояло пройти целых восемьсот метров. Жаров, ощущая рядом с собой тело зрелой, умудренной опытом, в том числе и сексуальным, женщины, проговорил:

– Удивляюсь, Валюш, как я раньше не замечал твоей красоты? Просто диву даюсь! Может, оттого, что редко видел тебя?

Женщина усмехнулась:

– Удивляешься? Диву даешься? Перестань играть, Игорек! В гарнизоне ты больше смотрел и обхаживал молоденьких девочек. Я же старуха!

– Ну, зачем ты так? Какая старуха? Дама в самом соку, не то что твои подруги!

– Однако в сауну ты затащил Галю Бондарук, а с дискотеки увел Голодовникову. На меня что-то даже не посмотрел. А сейчас Дон Жуаном серенады поешь! Да оно и понятно, эту неделю тебе со мной, а не с молоденькими придется на посту провести! Но не подумай, я не осуждаю тебя. Это естественно! Только учти, Игорь, моя любовь дорого стоит. Если хочешь попасть ко мне в постель, платить придется! Не деньгами, нет, я не проститутка. А вот подарок какой дорогой приму с удовольствием! Понял, дружок?

Жаров оскалился:

– Ну о чем разговор, Валюша? Одна неувязочка, подарок, поверь, дорогой подарок, я смогу тебе по возвращении сделать. Здесь ювелирных магазинов нет!

Губочкина снисходительно улыбнулась:

– Естественно, по возвращении. Я умею ждать! И оценивать щедрость кавалеров. Со мной, старший лейтенант, надо быть щедрым. Тогда познаешь то, что ни с одной шлюхой не познаешь!

Взводный ближе прижался к связистке:

– Валюша! От твоих слов я готов прямо сейчас увести тебя в ближайшую балку.

– Не торопись, Игорек, не торопись! Ночи дожись. А время пролетит быстро, смена бойцов, организация службы, ужин, а там и отбой! Так что отпусти меня и держись стороной. Не надо афишировать наши отношения. Это не в твоих и не в моих интересах.

Жаров выполнил просьбу-требование женщины, убрал руку. Они догнали взвод и вскоре подошли к периметру проволочных заграждений, где подразделение ожидал посыльный четвертого взвода роты специального назначения. Пройдя проход в полосе заграждений, солдаты вышли на позиции третьего отделения, или на усеченную вершину высоты 204,0. Здесь Жаров приказал одному из своих сержантов:

– Якункин, занимай точку! Как произведешь замену, связь со мной! Особо проверь целостность периметра проволочных заграждений, боекомплект и состояние блиндажа, но не тебя мне учить, сам знаешь что делать.

Сержант ответил:

– Так точно, товарищ старший лейтенант! Я знаю, что надо делать!

– Вот и делай! Мы пошли дальше к передовой!

Жаров приказал своему заместителю и одновременно командиру первого отделения сержанту-контракtnику Мансурову вывести взвод на основные позиции и так же приступить к приему объекта.

Старший лейтенант со связисткой Губочкиной направились в главный блиндаж, служивший и командным пунктом взвода с центральным пунктом связи, и местом отдыха командира взвода и связиста. На одном столе стояла радиостанция с вынесенной наружу лучевой антенной, другой служил рабочим местом временного начальника блокпоста. Но, как правило, второй стол больше применялся для приема пищи и нередко для того, чтобы распить фляжку спирта под скорую закуску. Между амбразурами, служившими офицеру и для наблюдения за зоной ответственности поста через стереотрубу, и, при необходимости, для ведения огня по вероятному противнику, стоял старый диван. Раньше он красовался в кабинете заместителя командира батальона по воспитательной работе майора Индюкова. Кому пришла в голову идея перетащить в горы этот диван, неизвестно. В углу находилась кровать взводного, перпендикулярно ей, закрытая ширмой, вторая кровать – для связистки. На деревянном полу расстелена кошма. В пирамиде у стола связиста пулемет РПК с десятью сорокапатронными магазинами и снайперская винтовка, так же с десятью обоймами. Там же находилась ячейка штатного автомата временного начальника поста.

Жарова и Губочкину встретил командир четвертого взвода капитан Крабов.

Офицеры поздоровались. Валентина спросила у Крабова:

– А где Люда Конурок?

Капитан указал на блиндаж:

– Отошла по делам своим! Сейчас подойдет, и начинайте прием-передачу поста по линии связи, а мы с Игорем обойдем позиции. До нашего возвращения блиндаж не покидать.

Валентина ответила, усмехнувшись:

– Есть, товарищ капитан! Обязательнождемся вашего возвращения.

Крабов ничего не ответил, потому что появилась Конурок, и Губочкина обняла подругу. Связистки скрылись в блиндаже.

Крабов предложил Жарову:

– Обойдем позиции?

Старший лейтенант согласился, тем более этого требовали и инструкции:

– Идем!

Офицеры прошли на западный фланг. Перед пустым капониром капитан остановился:

– За постом начали пасти, Игорь!

Жаров изобразил изумление:

– Да? Давно? Кто и откуда?

Капитан ответил:

– Бойцы заметили наблюдателя три дня назад, в пятницу, где-то часов в десять. На противоположном склоне, напротив того места, где стоим сейчас мы. Пройдем в капонир.

Западный сектор поста, где, как правило, несло службу второе отделение взвода, заступившего на дежурство, был оборудован капониром для третьей боевой машины пехоты. Но эта БМП так и не дошла своим ходом до блокпоста. На одном из участков дороги, в тридцати километрах от высоты 204,0, там, где грунтовка вплотную подходила к обрыву, после прохода первых двух боевых машин грунт «поплыл» – и третья машина попала в естественный капкан. Она начала сползать с плоскогорья. Хорошо, что в машине находился один механик-водитель, который успел выскочить из люка на броню и спрыгнуть на землю. БМП же рухнула в пропасть вместе с обширным участком склона. Таким образом и боевая машина была безвозвратно потеряна, и единственная сухопутная нить, соединяющая пост с равниной, оборвалась. Поэтому взвода стали доставлять на позиции вертолетами, а крайний, западный капонир так и остался пустым, превращенный в огневую точку станкового гранатомета «АГС-30».

Рядом с ней и устроились офицеры. Подняли бинокли. Крабов проговорил:

– Трещину, идущую по противоположному склону от вершины, видишь?

– Это где ряд кустарника?

– Да!

– Вижу! Ну и?

– Террасу, которой оканчивается трещина, наблюдаешь?

– Угу!

– Смотри слева – черная дыра. Похоже, пещера, и скорее всего – сквозная, с выходом на другую сторону перевала. Там-то и был замечен неизвестный наблюдатель за постом.

Жаров, рассматривая черную дыру, спросил:

– Почему ты решил, что там сквозная пещера? Дыра есть, вижу, но это может быть просто выемка в породе, достаточно крупная и способная укрыть наблюдателя. Но этот наблюдатель мог к дыре спуститься и по трещине! Мы ж не знаем, что она собой представляет?

Крабов отрицательно покачал головой:

– Нет, Игорь! Если бы наблюдатель появился один раз, тогда с тобой можно согласиться, но, заметив его в пятницу, в субботу я лично следил за дырой и трещиной. Неизвестный появился в пещере ровно в 11-00, а если шел бы от трещины, он по-любому засветился бы на террасе. Трещину и дыру разделяют не менее трех метров. Их наблюдатель не преодолевал.

– Ясно! Но непонятно, кто и почему решил установить контроль над постом?

Вопрос прозвучал вполне естественно, хотя Жаров прекрасно знал ответ на него.

Капитан ответил:

– Вот и я не пойму! Но ничего хорошего это не предвещает. Как бы какая банда не запланировала прорыв через Шунинское ущелье!

Старший лейтенант воскликнул:

– Но это невозможно! Даже ночью и в туман. У нас достаточно сил, чтобы прикрыть ущелье!

– Так-то оно, Игорек, так, но как может произойти все на самом деле, просчитать невозможно.

– Считаю, проход прощупывают. Но, оценив обстановку, противник вряд ли решится прорывать оборону поста! Проще пройти, прикрываясь перевалом между нами и соседней, восточной заставой. Крабов опустил бинокль:

– Ладно. Будь что будет. От нас мало что зависит, лишь отразить возможное нападение. Но ты за пещеркой понаблюдай. Не помешает. Да ночью усиль караул.

Жаров обернулся к капитану:

– Ты вот что, Кирилл, прибыв в часть, подожди докладывать комбату о наблюдателе.

Капитан удивился:

– Почему?

– Реакция Белянина непредсказуема, подполковник может тут же принять решение на усиление блокпоста и перебросить сюда еще взвод. Зачем отрывать ребят от мирной обстановки и здесь создавать чехарду без особой надобности. Это же придется рубить новые позиции, а ты помнишь, чего нам стоило создать эту систему обороны? Наблюдатель же, оценив пост, может больше не выйти на позицию, поняв, что прорыв на нашем направлении невозможен. И получится хрен что! Но если наблюдение с сопредельной стороны продолжится и проявятся хоть малейшие признаки угрозы нападения на пост, я сам обо всем доложу комбату. Считаю, что сейчас это делать рано. И так дежурство не сахар, но пока каждый из нас, взводных, выходит на блокпост раз в месяц. А после непредсказуемого решения Белянина мы реально можем начать зависать в этих горах по полмесяца. Тебе это нужно? Ладно, я холостой, а у тебя супруга, семья!

Капитан согласился:

– Ты прав, Игорек. Пока комбату лучше не знать о наблюдателе, а то действительно кашу заварит, не расхлебав всей ротой.

– Это точно. Ну что, обойдем другие позиции?

– Пойдем. Высоту смотреть будем?

– А чего ее смотреть? Я же проходил через нее. Там, наверное, бойцы уже сменились, хотя доклада еще не последовало. Но мой отделенный может время тянуть. Хитроватый паренек! Понял службу!

– Тогда на восточный сектор?

– Идем на восточный!

Офицеры покинули капонир и траншею, минуя командный пункт, направились к позициям, расположенным по вершине западного склона Шунинского ущелья.

В главном же блиндаже две женщины проводили свою смену, обсуждали личные вопросы, так как связь на посту функционировала нормально, в чем Губочкина сразу убедилась, вызвав дежурного по батальону в гарнизоне, а также командиров всех трех отделений взвода Жарова. После манипуляций с радиостанцией они устроились на диване. Губочкина положила руку на плечо подруги.

– К черту службу, Люда, расскажи лучше, как ты тут с Крабовым ночи проводила?

Та нерадостно и зло ухмыльнулась:

– Да никак! Спали на своих кроватях ангелочками.

Валентина искренне удивилась:

– Уж не хочешь ли ты сказать, что за всю неделю вы так ни разу и не трахнулись?

– Именно это, Валюша, я и хочу сказать! Достался, бля, идиот, жене верный. Для него, видите ли, супруга – святое! Святоша, козел! И надо было с ним в наряд попасть? Неделю мучилась!

– Погоди, погоди, может, ты не с той стороны пыталась подъехать к нему? Ну, не поверю, чтобы нормальный мужик, какой бы он верный жене ни был, не трахнул бабу, которая с ним целую неделю в одном блиндаже прожила!

Людмила вновь ухмыльнулась:

– Не веришь? Я бы тоже не поверила, но проверила подобное на себе. А насчет того, с какой стороны я пыталась к нему подвалить, то делала все возможное. Первую ночь, ладно, не выпалась. Ждала, сам ползет. Не полз. На вторую решила действовать. Как он лег, я раздеваюсь догола и к нему. А он, сука, от меня, как от прокаженной, к стене метнулся. Ты чего? С ума сошла? А ну оденься и спать! Я: да ладно тебе, Кирилл, никто же ничего не узнает. А слухи все одно по гарнизону поползут. Ночевать в одном помещении с бабой молодой и не трахнуть ее, кто ж этому поверит? Твои слова повторяю! А он: мне плевать на слухи, но если не отстанешь, завтра же попрошу замену! И тогда придется объяснять причину запроса. Как тебе такой коленкор? Я и отвалила! А то ведь, придурок, точно в батальон о моем аморальном поведении сообщит. Меня ж тогда Индюков затрахает и в прямом, и в переносном смысле. Я ж на его рожу смотреть не могу, не то что ублажать его похоть! Такие вот дела, Валя! Но ничего, наряд кончился, вернусь в гарнизон, свое возьму. Жаль, Жаров здесь остается. Этот безотказный. Только заголишь, помани, в момент в постель нырнет. Он до этого дела охотник еще тот. Впрочем, кроме него в гарнизоне голодных мужиков хватает. Оторвусь с каким-нибудь лейтенантом.

Валентина проговорила:

– Да, дела... Кто бы подумал? Говорят, еще Бекетов такой же, как Крабов. Но тот, скорее всего, где-нибудь в Разгульной телку имеет. А мужик ничего. Я бы с ним ...

Конурок перебила подругу:

– Да в какой станице, Валя? На Родимцеву капитан запал. Видела бы, как на дискотеке возле нее вертелся. Но ты знаешь нашу Кристину, тоже, бля, святоша, целку из себя строит. Бекетов водочкой балуется, а Родимцева, видишь ли, запах спиртного на нюх не переносит! Дура, короче! И чего он к ней прилип? Ни фигуры особой, ни морды, да еще с претензиями! А может, и надо под таких косить?

– Нет, Люда, под них косить – себе вредить! Знала я в своей жизни этаких правильных, что в итоге в полном пролете оказывались! И Бекетову надоест без толку Родимцеву обхаживать. Мне, что ли, за него взяться? Пригласить на хату, водочкой угостить да оттрахать так, чтобы об остальных забыл!

Людмила указала на полевую сумку Жарова:

– А как же твой взводный? Или этого сопляка не подпустишь к себе?

– Почему не подпущу? Мне ж тоже мужик нужен, но этот так ... вынужденно-временный стебарь. И за кайф, что получит, заплатит сполна! Но Жаров ерунда, надо более серьезного и озабоченного этим делом кавалера цеплять. С должностью приличной и перспективой карьерного роста!

Конурок спросила:

– Ты сигареты привезла с собой? А то вроде как бросить собиралась?!

– Не смогла бросить.

– Тогда угости, у меня вчера вечером кончились. И все из-за этого мудака Крабова. Ночью по полпачки выкуривала, сон не шел – и п...ц!

Губочкина достала блок «Винстона», открыла пачку, протянула сигарету подруге и сама закурила.

В это время в блиндаж вошли офицеры.

Крабов недовольно поморщился:

– Вы, девочки, курить в траншею вышли бы, что ли?

Но Жаров возразил:

– Да ладно тебе, капитан! Все ж перед тобой не просто подчиненные, а дамы, в первую очередь. А желание дам, их прихоти, для офицера закон!

Крабов не принял возражения:

– Это смотря какие прихоти, какие дамы и какие офицеры! Так что, уважаемые сержанты, прошу на выход! Тем более, вам надо проверить исправность и резервной, проволочной системы связи. Я ей не пользовался, возможно, где-то возникли неисправности. Да и инструкция обязывает вас к этому. Выполняйте свои обязанности!

Связистки поднялись, вышли из блиндажа.

Конурок кивнула за спину:

– Слышала? И как я с этакой дубиной целую неделю рядом провела? Нет, теперь буду следить за составлением нарядов. С Крабовым больше сюда не пойду! Шел бы он, мудила, к ... своей долбаной Раисе!

Валентина затушила выкуренную до половины сигарету:

– Ладно, не загоняйся, Люд! Идем, проверим проволоку. Забудь прошлое, живи будущим, тем более, оно уже через час наступит!

– На это и надеюсь. С чего начнем?

– С правого фланга и по вершине, затем высота. Там и простимся.

Конурок согласилась:

– Пойдем. Только я сразу свои вещи заберу. Набрала, дура, разных мазей, резинок с шарами да усиками, маечки, чулочки, туфельки, думала ... да чего теперь об этом! Сейчас я.

Людмила зашла в блиндаж, чтобы тут же выйти обратно с десантной сумкой.

– Теперь идем.

Связистки направились к блиндажу второго отделения.

В главном укрытии офицеры расписались в журнале приема и сдачи дежурства. Жаров принял пост. Дождавшись всех докладов по связи, Крабов забрал свой автомат, повесил на плечо сумку:

– Ну что, Игорек, вот и все!

– Все! Ты, Кирилл, про наблюдателя не забудь.

– Не забуду, докладывать о нем не буду, но ты следи за ним!

– Конечно!

– Пошел я!

– Идем, провожу.

– Блиндаж пустым оставишь?

– Да я до траншеи.

– Ну, раз так, проводи.

Офицеры вышли на улицу, Крабов отдал приказ своему заместителю строить взвод, и спустя пять минут подразделение капитана направились к высоте, и затем далее к площадкам, где их ждали две винтокрылые машины. Как только сменившийся взвод скрылся из виду, к Жданову подошел сержант Мансуров:

– Ну, как тут дела, Игорек?

– Хреново! Наблюдатель Мулата на противоположном склоне Катавана засветился. Зацепил его Краб. Я уговорил капитана пока не докладывать о нем комбату, но надо, чтобы Мулат снял наблюдение за постом: все, что надо, он и так узнает. Так что немедленно свяжись с Расулом, пусть передаст просьбу за «бугор», пока наши бойцы этого разведчика не вычислили. А то получим проблему! Все понял?

– Пошел, шеф. Что еще?

– Еще, начиная с сегодняшней ночи, ослабь наш караул до двух человек на передовой, высоту не трогай. Со среды на четверг Шунинское ущелье должен будешь контролировать ты и Гоша.

– Это ясно! Но выход в Катаван все равно будет виден часовым второго отделения.

Старший лейтенант успокоил его:

– Об этом не волнуйся. Сектор контроля Катавана я возьму на себя. Придумаю что-нибудь, чтобы в нужное время отвлечь наряд. Иди! Да, пришли ко мне Демидова, пусть находится поблизости у блиндажа.

– Понял, командир! Выполняю. А долю мою, Игорек, ты все же пересмотри, Индюк хрен с ним, но я работаю не меньше тебя!

– Иди, иди! Видно будет, как вернемся на базу!

Сержант удалился.

Жаров вошел в блиндаж, сбросил ботинки, надел кроссовки. Автомат в пирамиду ставить не стал, положив его на стол, рядом с биноклем. Присел на диван, закурил.

Через десять минут прибыл рядовой Демидов:

– Вызывали, товарищ старший лейтенант?

– А сам, Гоша, как думаешь?

– Вызывали!

– Чего ж тогда спрашиваешь? Короче, находишься рядом с блиндажом, обслужишь во время обеда, затем приберешься внутри. Может, еще для чего потребуешься. Понял?

– Так точно, товарищ старший лейтенант!

– Иди! Да запомни, находиться у блиндажа и подслушивать то, что в нем происходит, не одно и то же. Замечу, пасешь, уши оборву. Это ясно?

– И как вам такое могло прийти в голову? Я ж за вас, сами знаете!

– Ладно, ладно! Ситуацию просекаешь правильно. Будешь и дальше верно служить, домой богатым вернешься. В деревне своей дело заведешь, хозяином станешь. А кто хозяин, у того и власть со всеми девками впридачу! Пошел!

– Есть, товарищ старший лейтенант! Во мне не сомневайтесь. Я хоть и не ученый, а просекаю, что к чему!

Рядовой двинулся к выходу и чуть не столкнулся в тамбуре с Губочкиной. Та воскликнула:

– А ты чего, чмурок, под ноги прешься? Не видишь, женщина идет?

– Пардон! Не заметил!

Валентина пробурчала, входя в блиндаж:

– Не заметил он!

Обратилась к Жарову, устраиваясь рядом с ним на диване:

– Ты, что ли, этого чухонца вызывал?

– Ну и что?

– Да нет, ничего! Ты командир, и волен делать все, что пожелаешь!

– В отношении всех подчиненных?

Валентина похотливо улыбнулась:

– Без исключения, но мы уже говорили об этом.

Старший лейтенант не выдержал, повернулся к женщине, схватил ее за грудь:

– Валюша, не могу терпеть!

Губочкина спокойно отвела руку Жарова:

– Остынь, Игорек! Я же сказала: ночью! Лучше прикажи проверить, полна ли бочка в душевой. И пусть вечером подогреют воду. Она понадобится и тебе, и мне.

– Все понятно!

– Тогда я переоденусь, сброшу этот чертов камуфляж и займусь работой. Надеюсь, обед нам вовремя доставят?

– Естественно. И даже специально приготовят, отдельно от остальных!

– Ну, еще бы жрать ту парашу, которой пичкают солдат.

Женщина поднялась, подошла к ширме, собрала ее в гармошку, бросив к стене:

– Нам эта тряпка не понадобится.

Начала, нисколько не стесняясь старшего лейтенанта, раздеваться. А Жаров с жадностью смотрел на ее движения. И не мог оторвать взгляда.

Валентина сбросила куртку, обнажив упругие груди с большими красными сосками, сняла брюки, оставшись в кружевных трусиках. Повернулась к офицеру задом, прикрытым узкой ленточкой. От вида открытых крупных ягодичек у Жарова рот наполнился слюной. Он застонал:

– Нет, больше не могу! Я на улицу! Так и с ума сойти можно!

Валентина остановила его:

– Ладно! Вижу, тебе действительно невтерпех. Закрой дверь и иди ко мне. Дам разочек, чтоб давление снять, а то, не дай бог, яйца лопнут.

Жаров бросился к двери. Задвинул засов, принялся срывать с себя одежду! Спустя несколько минут он вышел в траншею, не забыв взять со стола бинокль. Глубоко вдохнул чистый воздух. Валентина сделала то, о чем мог только мечтать старший лейтенант. Она удовлетворила его ртом и сделала это так виртуозно, что у Жарова после оргазма все поплыло в глазах. Ну и Валя, ну и мастерица. А он, дурень, до сих пор игнорировал ее. Но с Губочкиной долго связь не протянется. Для постели она хороша, да и то на время. Постоянно с ней жить не сможет ни один нормальный мужчина. Ее нужен сексуальный маньяк. Впрочем, в гарнизоне она и сама вряд ли захочет продолжение связи с каким-то взводным, если с ней кружат чины из полка внутренних войск рангом значительно выше Жарова. Вопрос, выдержит ли он сам эту неделю? И потом подарок. Хотя подарок – ерунда. Старлей сумеет удивить даже такую просеченную во всех отношениях бабу. Денег для этого у него хватит. На десятки, если не на сотни таких баб, как Губочкина, с их непомерными запросами! Да еще на сотню останется. Интересно, как бы повела себя Валюша, узнай, что старший лейтенант имеет в месяц столько, сколько не имеют все старшие офицеры гарнизона, вместе взятые? Наверное бы, в момент начала стелиться подстилкой перед ним, дабы быть рядом! Точно. Начала бы стелиться. Но ему нужна другая. А именно Родимцева. Чтобы слова лишнего вякнуть не посмела, а была бы и женой, и прислугой в новой, будущей жизни оборотня-лейтенанта. Все же правильно он сделал, что связался с Расулом. И доступ к легким деньгам получил, и прикрытие в части надежное. Потому как оказалось, ранее Расул купил заместителя командира по воспитательной работе, майора Индюкова. Вот бы никогда не подумал Жаров, что Индюк клонет на приманку, на сравнительно небольшие деньги, став человеком местной мафии, по сути предав и подчиненных, и начальников скопом, продолжая при этом всем засирать мозги своей политической дребеденью! Нет, что ни говори, а Жарову повезло. И в большом, что касалось Расула и его «забугорного» партнера Мулата, и в малом, предстоящих безумных случаях с Губочкиной! Остается самая малость. Охмурить Родимцеву, на которую положил глаз капитан Бекетов. Тот противник серьезный, но пьет! И в этом его главная, возможно, роковая слабость. Жаров сумеет отвернуть девочку-недотрогу от Бекета. Надо будет, ему в этом помогут. И тогда ... но ... пора тормознуться. Надо не мечтать, а заниматься делом. Путь к благополучию лежат не через пустые, пусть и красивые игры воображения, а через конкретные дела, приносящие конкретные результаты! В них, в делах, залог успеха и благополучия. И все же, какова Валентина, а? Шлюха развратная, профессионалка, слов нет!

Заметив сидящего в ближайшей от блиндажа стрелковой ячейке рядового Демидова, командир взвода позвал его:

– Гоша! Дуй на кухню, передай кашевару, чтобы для меня и связистки обед приготовил по высшему разряду. Из лучших продуктов. Надо, пусть урежет солдатский паек, но чтобы для командира блюда приготовил отборные! Ты же обслужишь нас! После чего отдых до 21-00. Затем возвращаешься с паяльной лампой и ведром. Набираешь воду в резервуаре и греешь ее! Понял?

Рядовой оскалился в кривой ухмылке:

– Вода, чтобы связистке подмываться? Трахать ее будете?

– Что? Я тебя сейчас, мудака, оттрахаю так, что ты забудешь, когда у тебя дембель.

Демидов отрицательно покачал головой:

– Не-е, товарищ старший лейтенант, о дембеле я ни при каких обстоятельствах не забуду!

И заверил:

– А то, что вы поручили, сделаю!

– Куда ж ты денешься? Вали на кухню. Обеспечь обед!

– Во сколько подать кушанья?

– В 14-00!

– Есть!

– Иди! Увидишь Мансура, пусть подойдет сюда!

– Понял!

Солдат, которого использовал в своих делишках Жаров, отправился к полевой кухне. Вызвать Мансурова Демидову не пришлось. Сержант сам подошел к командиру взвода.

Жаров повел его в пустующий капонир.

У позиции станкового гранатомета спросил:

– Связывался с Расулом?

– Связывался. Все, что ты сказал, передал! Расул заверил, что наблюдателя сегодня же снимут.

– А вот это мы сейчас проверим.

Старший лейтенант взглянул на часы:

– Одиннадцать тридцать восемь. В это время при дежурстве Крабова наблюдатель уже смотрел на пост. Посмотрим и мы на его позицию!

Подняв оптику, Жаров осмотрел и черную дыру, и террасу, и трещину противоположного склона. Никого нигде не было. Расул сдержал обещание.

Взводный опустил бинокль:

– Вот и ладненько!

Повернулся к сержанту:

– Что делает личный состав?

Мансуров пожал плечами:

– То, что и предписано инструкциями. Караул контролирует территорию зоны ответственности взвода, остальные бойцы обживают блиндажи, по два человека с отделений я отправил подправить стрелковые ячейки. Сам после связи с Расулом побывал на высоте и проверил арсенал с кухней. Везде порядок.

– Хорошо. Продолжай в том же духе. После обеда отдыхай. И так теперь ежедневно. Каждая ночь – твоя!

– Я помню это!

– Иди, Оман!

– Ты о доле подумал?

– Э, черт нерусский, как же ты достал меня?! Ну, хрен с тобой, пару штук к обычной сумме подброшу. Доволен?

– Пойдет!

Сержант удалился. Что ж, и пара тысяч долларов лишними не будут. Желательно, конечно, больше, но банкует Жаров. Он главная фигура в крупной игре, связанной с доставкой в Россию оружия для чеченских боевиков, наркотиков и переправкой на северный Кавказ банд наемников. Что ж! Если Жарова устраивает эта роль, пусть и играет ее. Так решено в штабе Мулата, главаря крупного террористического центра, разместившегося в ущельях непроходимых гор соседнего государства. Играет до конца. А уж каким будет этот конец, решит Мулат. Но вряд ли он отпустит от себя предателя. Если только на небеса. Впрочем, это дело не Омана Мансурова. Его дело исполнять обязанности заместителя командира взвода старшего лейтенанта Игоря Жарова.

Глава вторая

Сменившись с наряда по части, капитан Бекетов прямым ходом направился в офицерское общежитие. Его номер находился на первом этаже. Вместе с командиром взвода роты спецназа в номере обитал еще один офицер, старший лейтенант из полка внутренних войск, но тот получил тяжелое ранение и вот уже второй месяц находился в госпитале. И лежать на больничной койке старшему лейтенанту предстояло еще долго. У него были перебиты ноги. Попал Вова, так звали соседа Юрия, под минометный обстрел и принял на себя осколки разорвавшейся рядом мины. Ему еще повезло. Ноги хоть и перебиты, но при теле, а могли оказаться оторванными, как в большинстве случаев и бывало. Да и бронежилет со шлемом не позволили настигнуть старлея железом. Лишь два пробили кевлар, засев в правом легком. Но неглубоко. Поэтому капитан в настоящее время проживал в номере один, и это его более чем устраивало. Зайдя в фойе общежития, Бекетов увидел за окошком миловидное лицо Нины Паршиной. Та тоже несла свое дежурство. Забрав у нее ключ, капитан прошел в комнату, где быстро разделся, сбросив с себя пропотевшую за сутки форму. Погода в этом году в сентябре стояла жаркая. Днем. Ночами уже чувствовалось приближение осени, да и вечерами, как только садилось солнце, столбик термометра плавно опускался вниз. Ветер, а он гулял по городку беспрестанно, стал прохладным. Но днем было жарко!

Надев спортивные брюки, капитан прошел в душевую. Горячая вода отсутствовала, и к данному обстоятельству все давно привыкли. Пришлось вставать под холодные струи. Но так даже лучше. Холодный душ освежал, восстанавливал силы. Помывшись, капитан вернулся в номер, бросил взгляд на часы – 19-27. До дискотеки более чем полчаса. Но это до начала развлекательного мероприятия, когда толпа мужчин и женщин, женатых, замужних и холостых, только начнет заполнять обширное фойе офицерского клуба. Веселье войдет в силу после восьми, когда мужики освоятся и догонятся спиртным из бара. Поэтому у Бекетова впереди масса времени. Лишь бы не произошло что в части, как это однажды уже случилось. В апреле, тоже в субботу, и тоже вечером. Тогда комбат построил батальон, обнаружил отсутствие двух бойцов второй роты. Всех офицеров вызвали в часть. И бросили личный состав на поиски беглецов, по горячим следам. До трех утра батальон прочесывал окрестности военного городка, а первая рота шарил в станице. Бойцов нашли в местном борделе, в сисью пьяных и ни хрена не соображавших. Доставили в батальон. Потом разбирались. Да что толку? Комбат, как всегда, решил не выносить сор из избы. Дело замаяли. Никого не наказали. На кой хрен тогда искали самовольщиков? Те бы сами, проспавшись, утром явились в часть. Вообще, скрывая подобные случаи, да и все, что можно было скрыть от начальства, Белянин поступал в первую очередь во вред себе. Не дай бог, грянет ЧП с кровавым следом, всплывет все, о чем комбат не докладывал наверх. И тогда Белянин может лишиться не только погон, но и свободы. Но командир продолжал гнуть свою линию, тем самым подрывая дисциплину в части. Говорят, скоро его заменят. Но это пока только слухи. Хотя в армии все начинается именно со слухов. Но хватит об этом! Не мешает отгладить летний светлый костюм, а то помялся немного, вися на самодельной проволочной вешалке. Сколько раз Бекетов, отправляясь в станицу, зарекался купить с десятков нормальных вешалок и забывал. Водку привезти не забывал, а предметы гардероба забывал напрочь!

Взяв костюм, Юрий прошел в бытовку, где стояли гладильные доски. Разложил брюки. Заглянула Паршина:

- Как всегда, на дискотеку прихорашиваешься?
- Угадала, Нинуль, хоть одна радость в жизни – потолкаться под бешеный ритм музыки.
- Разве больше нет радостей?
- Например?

– Семья, например! Собственная, уютная квартира, любящая жена, дети!

Юрий добавил:

– Которые в любое мгновение могут остаться сиротами!

– Ну почему сразу так – сиротами?

– А потому, что сегодня мы здесь, на равнине, стоим, а завтра спокойно можем в горах оказаться. Служба у нас, Нинуль такая! Как-то не располагает к семейной жизни.

– Но ведь в вашем батальоне много женатых офицеров!

– Много, а было еще больше! В 2002 году бросили часть блокировать ущелье в Дагестане. Задача, казалось бы, пустяковая, а пятеро женщин остались вдовами, у трех по младенцу на руках!

Паршина стояла на своем:

– И все же очень важно, когда тебя ждут!

– Важно, но вот ты пошла бы за меня замуж?

– Я замужем! И мой супруг тоже по горам частенько мотается.

– А ты представь, что незамужняя, решила бы связать жизнь со мной?

– Мне, Юра, представлять незачем. А вот тебе надо менять отношение к жизни.

– В смысле?

– Пьешь ты часто!

– Вот оно что? Так водка, Нина, и продается для того, чтобы ее пили. Иначе в бюджете государства большая, невосполнимая дыра образуется. И бюджетникам, всем нам, в том числе, платить будет не из чего!

Дежурная махнула рукой:

– Да ну тебя! Как стена! Тебе что говори, что ни говори, толку никакого!

Подняв отглаженные за время разговора брюки и оценив качество работы, Бекетов проговорил:

– Вот это точно! Меня перевоспитать – легче верблюда научить летать. Но за участие спасибо. Таких, как ты, побольше бы в гарнизон. Глядишь, мужики и одумались бы. Хотя ... вряд ли. Так с брюками порядок, теперь рубашка. А ты, Нина, шла бы к себе, а то супруг нагрянет. Увидит нас вдвоем и устроит скандал. Мне-то он по барабану, а вот для тебя неприятность.

– Мой не такой, Юра! Он скандалить не будет, потому что верит мне. Но я действительно пойду, не буду мешать.

Капитан пожелал дежурной по общежитию:

– Счастливого тебе наряд отстоять и к супругу в уютную квартиру вернуться!

– Спасибо! И тебе удачи! Мужик ты хороший, жаль будет, если сопьешься или по пьянке под пулю попадешь.

Бекетов напомнил:

– Нина! Мы уже простились!

– Ухожу!

Женщина оставила капитана.

Юрий догладил костюм и вернулся в номер. Оделся. Подушился слегка дорогим французским одеколоном. Но идти в клуб было рано.

Открыл холодильник. Увидел две запечатанные бутылки водки, пластмассовую емкость с минеральной водой и две банки с паштетом. Выпить или нет? Блин, как у Шекспира получается. Там Гамлет мучился вопросом, быть или не быть... Бекетов потер лоб, решая сложную для себя проблему. Наконец воскликнул:

– А хрен с ним! Хуже не будет!

И достал бутылку «Особой» вместе с банкой паштета и минералкой. Сорвал пробку с бутылки, налил в стакан сто пятьдесят граммов, ножом поддел кусок паштета. Выпил. Закусил,

прикурил сигарету. Настроение улучшилось. Выпить еще? Нет, пожалуй, хватит. Если что, то он догнаться и в баре сможет. В дверь постучали.

Вошел Крабов, командир четвертого взвода. Бекетов облегченно вздохнул, одновременно удивившись:

– Кирилл? Ты чего по общагам шарахаешься? Или Раиса на дежурстве?

Товарищ Бекетова укоризненно взглянул на содержимое стола:

– Пьешь?

– Кто?

– Ну, не я же?

Юрий поднял бутылку, показал:

– Рюмку после дежурства ты называешь пьянкой?

– Сейчас рюмку, через час вторую, потом третью...

Бекетов подошел к Крабову:

– Кирилл, если ты пришел мозги мне сношать, то напрасно. Я не маленький и знаю, что делаю.

Крабов возразил:

– Если бы знал, не пил! Чувствую, погубит тебя водка, Юрик! Добра от нее не жди!

– Ладно, закрой тему. Я действительно принял сто пятьдесят с устатку. И больше сегодня ни-ни! Если все пройдет удачно!

– Ты имеешь в виду Родимцеву?

– А хотя бы и ее?

– Ничего. Но ты же знаешь, как Кристина относится к пьяным.

– А я пьяный?

– Пока нет.

– Вот именно, что нет. Ты по делу зашел или просто так?

Крабов присел на кровать Бекетова:

– Считаю, просто так. Раиса уговорила на дискотеку сходить, развлечься немного, а сама чего-то в санчасти забыла. Так она в медпункт, а я к тебе. Ты же танцульки не пропустишь?

– Конечно, нет.

– Так пойдем в клуб вместе.

– Пойдем. Но вроде рановато.

– В часть зайдем, посмотрим, чем личный состав занимается.

– Там же дежурный!

– Ну и что?

Юрий пожал плечами:

– Да ничего. В роту, так в роту. Раю тоже с собой прихватим?

– Нет, она возле клуба с подругами останется. Так что убирай со стола остатки пиршества, и начинаем выдвижение. Раиса минуты через три к общаге подойдет.

– Нашел тоже пиршество! Какое-то у тебя, Кирилл, извращенное понятие о том, что касается спиртного. Если сам после ранения почти не пьешь, то и остальным нельзя?

– Можно, Юра. Да только тем, кто знает меру и по утрам не похмеляется. Ты же ... впрочем, чего, на самом деле, я перед тобой распинаясь?

– Вот именно!

Бекетов убрал водку с паштетом в холодильник. Офицеры покинули номер, а затем и гостиницу. Вышли на улицу. Заметно стемнело. У детской площадки соседнего с общежитием дома офицерского состава уже прогуливалась супруга Крабова, Раиса.

Подойдя к ней, Юрий поздоровался:

– Привет, Рай!

– Здравствуй, Юра! Выглядишь ты как всегда безупречно.

Бекетов толкнул друга:

– Слышишь, что жена говорит?

И повернувшись к супруге Крабова, поблагодарил:

– Спасибо за комплимент, Рай. Вообще-то комплименты должны делать дамам кавалеры, а не наоборот. Посему докладываю, ты просто неотразима! Вот только Крабов в полной мере оценить этого не может.

Кирилл недовольно взглянул на товарища:

– Это еще почему?

Юрий ответил:

– Да потому, капитан, что таких женщин, как твоя Раиса, на руках носить надо, а ты лишний раз до санчасти не проводишь.

Крабов сказал:

– Завязывай, Юр, а?

Раиса взяла офицеров под руки:

– Мальчики, прекратили! Сегодня у нас вечер отдыха. Так что расслабьтесь!

И женщина повела друзей-капитанов по аллее, ведущей к офицерскому клубу небольшого гарнизона.

Подошли они к зданию, откуда раздавалась ритмичная музыка ровно в восемь. Но пришедшие на дискотеку люди заходить в фойе клуба не торопились, приличной толпой расположившись на улице. Мужчины курили, женщины разговаривали между собой. Все, как обычно. Временно. Через полчаса обстановка изменится, и веселье заполнит клуб, а на улице останутся единицы, да и то те, кто выйдет отдышаться или перекурить. Но это будет через полчаса. Пока же толпа находилась на свежем воздухе. Крабов что-то шепнул жене, и она направилась к подругам из полкового медицинского пункта, таким же, как и она, медсестрам. Крабов потащил Юрия на территорию части, благо начиналась она сразу за забором. В роте офицеры не задержались. Личный состав, говоря сухим языком армейского рапорта, занимался строго по распорядку дня, а другими словами бездельничал, в полной мере используя свободное время. Ответственный по роте находился на месте и муштровал заступивший на службу внутренний наряд. Взводным, по сути, в части делать было нечего. Да и зашли они в батальон с одной-единственной целью – убить время. Поговорив с сержантами, офицеры направились обратно к клубу. Народ, как предполагалось, перекочевал в фойе, дискотека начала набирать обороты. Купив билеты и пройдя в холл, капитаны разделились. Крабов, лавируя между танцующими, отправился к компании супруги, Юрий попытался отыскать взглядом Кристину. Но это ему не удалось, хотя он осмотрел весь зал. В голове мелькнула мысль: может, она на дежурстве у себя в роте и не смогла прийти? Или не захотела, что тоже вполне могло иметь место. Черт, надо было не по батальону шараться, а роту связи проверить. Не отыскав взглядом Родимцеву, Бекетов обошел фойе, подошел к месту диджея Станислава, лейтенанта полка внутренних войск, с которым нередко навещал забегаловки Разгульной.

– Привет, Стас!

– Ищешь кого?

– Угадал. Кристину. Не видел ее?

– Видел. Да вон она, справа, среди наших разведчиков и своих подруг.

– Где?

Диджей рукой указал в сторону, где Бекетов действительно увидел ту, ради которой и пришел сюда.

Пробурчал недовольно:

– А ваши разведчики, ребята не промах! Так и выются возле связисток! Им что, своих баб мало?

– Да ты никак ревнуешь, Бекет? Зря! Как говорится, сучка не захочет, у кобеля не вскочит, мужики ни при чем! Это бабы головы им кружат. Да ты не волнуйся. Связисток на всех хватит!

Бекетов так взглянул на диджея, что тот поднял руки:

– Все, все! Признаюсь, сморозил глупость. А посему давай по шампуню вдарим? Я пару пузырей затарил. Есть и фужеры, и шоколад!

Капитан отказался:

– Не хочу!

И нагнувшись к музыкальному ведущему вечера отдыха, спросил:

– Ты мне вот что скажи, Стас. У тебя на дисках только эта мутотень записана, или есть и медляк?

– Есть и медленная музыка, а что?

– Ты, как закончится эта дребедень, сделай, пожалуйста, паузу, дабы народ утомился, да вруби что-нибудь медленное, приятное, чтобы нормально потанцевать с женщиной можно было! Сделаешь?

– Какой базар? А что поставить? Просто инструменталку или песню?

– Без разницы.

– Понял.

– Я в зал и жду! Ты не забудь!

– Не забуду.

Лейтенант принялся рассматривать диски, выискивая заказанную Юрием мелодию. Он решил поставить инструментальную музыку. Юрий же подошел вплотную к кругу, внутри которого танцевала Кристина.

Долбежка оборвалась, и Станислав, заглотив-таки бокал шампанского, начал что-то говорить в микрофон. Но разобрать слова в общем гвалте не представлялось возможным. Да никто и не пытался понять, что говорит со своего подмостка диджей. Все ожидали продолжения дискотеки, готовые вновь слиться с ритмичной, быстрой музыкой в единое целое! Но неожиданно зазвучала мелодия из старого французского фильма «Профессионал». Толпа застыла, не ожидая подобного поворота. И лишь Юрий не стал терять время даром. Он подошел к Родимцевой:

– Разреши пригласить, Кристина?

Молодая, симпатичная женщина взглянула на Бекетова оценивающим взглядом, и согласилась:

– Пожалуйста!

Юрий прижал ее к себе, проговорив:

– Ну, наконец-то!

И тут же пожалел о том, что раскрыл рот.

Родимцева почувствовала запах спиртного:

– Ты опять выпил?

Это разозлило капитана, он остановил танец:

– Что, заметно? А другие, что кружат вокруг тебя, все повально трезвые? Ты чего капризничаешь? Да, выпил! Немного, после наряда, и что? Сколько ты будешь издеваться надо мной? Презираешь меня, так и скажи! Не хочешь видеть, тоже скажи. Но не унижай! Я тебе не кукла!

Кристина неожиданно улыбнулась:

– Ты чего это разошелся, капитан? Смотри, как тебя задело мое замечание? Успокойся. Я же хочу, как лучше. А ты: презираешь, унижаешь... Да у меня и в мыслях ничего подобного не было. Хотя чего это я оправдываюсь? Мы так и будем стоять или продолжим танец?

– Продолжим.

Юрий повел Кристину.

Женщина чувствовала, что капитан обижен. Не надо было его задевать, ведь выглядит он действительно не хуже других. А запах? На него можно и не обращать внимания. Ведь если бы к ней подошел кто-нибудь другой, то она не обратила бы никакого внимания, подшофе потенциальный кавалер или нет. Отказала бы в танце и все. С Бекетовым же дело обстояло значительно сложнее. Он нравился Кристине. И то, что капитан часто пил, вызывало у нее негативную реакцию. И этому имелись объяснения и причины.

Танец скоро закончится. Что сделает Бекетов? Уйдет? Скорее всего, да! В свой номер, где наверняка напьется. Кристине не хотелось этого. Поэтому, как только стихли последние аккорды медленной музыки, она, не отходя от Бекетова, вздохнула:

– Как же душно! Может, выйдем на улицу?

Этого капитан не ожидал, настроившись после танца уйти из клуба. Переспросил:

– На улицу?

– Да! Но, если ты...

Юрий не дал женщине договорить:

– Пойдем! Здесь на самом деле задохнуться можно.

Они вышли из здания. Вечерняя прохлада сразу же приятно окутала их разгоряченные тела. Глубоко вздохнув воздух, Кристина произнесла:

– Как же тут хорошо!

– Где тут? В гарнизоне?

Родимцева поняла, что Бекетов подкалывает ее, но не обратила на это внимания, ответив вполне серьезно:

– На чистом воздухе, Юра, а не в фойе клуба! Прогуляемся?

Это было второе неожиданное предложение Кристины. Теперь Бекетов внимательно посмотрел на женщину:

– Я сегодня не узнаю тебя. В прошлый раз ты оттолкнула меня, как только я подошел...

– Ты помнишь, что было в прошлую субботу?

– А почему я не должен помнить, что было в прошлую субботу? Да, пули меня задевали, но ни разу не контузило, чтобы терять память.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю!

Капитан согласился:

– Понимаю! Ты намекаешь на то, что я был невменяем, так?

– Вот именно! Но давай забудем тот эпизод. У меня сегодня хорошее настроение, и я не хочу думать о плохом. Лучше просто погуляем, поговорим. Смотри, какое звездное небо?

Бекетов определенно не узнавал Родимцеву. С чего это вдруг она так резко изменила отношение?

– Куда пойдем?

– Не знаю. В городке вроде и некуда.

– А если к реке?

– К реке?

Капитан удивился в третий раз. До реки Быстрой было не менее двух километров. И это по небольшому лесному массиву. Предлагая идти к реке, Кристина не могла не понимать, что прогулка затянется не на один час. Или она этого и хотела?

– Ну что ж, это вариант. К реке, так к реке!

Женщина взяла капитана под руку, и они медленно пошли в сторону внешнего контрольно-пропускного пункта, за которым начинался лесной массив и грунтовая дорога, ведущая к реке Быстрой.

Свернув на дорогу, ведущую к внешнему КПП, Родимцева неожиданно спросила:

– Юра, а ты был женат?

Капитан взглянул на женщину:

– Нет, а что?

– Если не секрет, почему? Только не надо, пожалуйста, стандартных фраз типа не встретил такую, как я!

– Но я действительно не встречал женщин, к которым испытывал бы нечто большее, нежели желание близости. Как-то так получалось. Хотя была у меня девушка в училище. Три года дружили. Встречались, а потом... потом она вышла замуж за моего товарища!

– Вот так ни с того ни с сего взяла и вышла?

Бекетов утвердительно кивнул головой:

– Да, вот так, ни с того ни с сего. Правда, они знали друг друга, мы вместе вечера в увольнениях проводили. Его после выпуска в Москву отправили служить, меня же в учебный центр, готовящий офицеров для подразделений спецназа. Вот невеста и сделал выбор. Столица не Кавказ или какая другая «горячая точка»! Расчетливой оказалась, а я верил, что любит.

– А сам любил ее?

Капитан пожал плечами:

– Сейчас и не знаю. Любил, наверное. А может, нет. Но такого чувства, как к тебе, к ней не испытывал.

– Это правда?

Юрий серьезно и кратко ответил:

– Да!

Кристина вновь задала вопрос:

– И где тебе пришлось служить?

Бекетов вздохнул:

– Где стреляли! И в Таджикистане, и в Абхазии, но большую часть в Чечне.

– А ранили тебя где?

– Первый раз, когда через Пяндж из Афганистана прорывались духи. Наша рота блокировала крупный отряд наркоторговцев. Тяжелый бой, в результате словил пулю под левую ключицу. Второй раз в Чечне, когда преследовали диверсионную группу арабских наемников. Тебе это интересно?

– Конечно! У тебя и награды есть?

Бекетов улыбнулся:

– Есть. Орден Мужества, медали «За боевые заслуги» и «За воинскую доблесть» двух степеней. Но разве в наградах дело?

– Не скажи. Другие за всю службу столько не получают, а ты ... ведь тебе двадцать семь? Так?

– Так. Двадцать семь.

Родимцева резко сменила тему, переведя разговор в неприятное для капитана русло:

– А когда ты запивать начал? Не обижайся, я это не из простого любопытства спрашиваю. Хочу понять, на каком этапе ты, боевой офицер, и вдруг сломался. Что послужило причиной пьянства? Извини, но я привыкла называть вещи своими именами.

Бекетов задумался. Сам он никогда не задавал себе подобный вопрос. Ну, начал пить, так большинство мужиков пьет, ну, бывало, пил до потери пульса, но другие нажирались не слабее. И ничего особенного в этом капитан не видел, хотя в душе чувствовал, что оформился в алкоголика. Вот только признаваться в этом не хотелось.

– Точно, Крестя, я сказать не могу. Понемногу я пил всегда, ну, в смысле повзрослев, а точнее, после учебного центра, а вот крепко запил в первый раз после того, как друга, павшего у Пянджа, лично похоронил. Он погиб на моих глазах. И умирал на руках. Я видел, он хотел что-то сказать мне, но так и не смог. Пуля духа угодила ему в шею, порвав голосовые связки. Вот тогда, когда бой затих и мы вернулись в лагерь, я возле его тела и нажрался спирта. Да так, что возле трупов и вырубился. Роту на следующий день перебросили в Горный Бадахшан, меня

отправили с телом друга на его родину, в Мурманск. Чтобы похоронить с почестями. Я пил всю дорогу и все время, проведенное в семье погибшего. Пил много! Вернулся в подразделение почерневшим. Это было в 1999 году. С того времени и продолжаю пить. Только теперь и по поводу, и без повода.

– Юр, а ты не пробовал лечиться?

Бекетов усмехнулся:

– Зачем?

Родимцева удивилась:

– Как это зачем? Чтобы избавиться от зависимости.

– Нет, не пробовал. Не видел смысла.

Кристина тихо произнесла:

– А если я попрошу, пройдешь курс лечения?

– Да я сам могу бросить!

– Это заблуждение. Тебе уже без помощи не обойтись!

– И ты предлагаешь эту помощь?

– Да! Вернее, я предлагаю тебе обратиться к врачам.

Капитан вздохнул:

– Когда, Крестя? И к кому?

– Ну, можно найти варианты.

Капитан согласился:

– Варианты всегда найти можно. Одна загвоздка: не верю я эскулапам! Понимаешь, не верю. А какое без веры лечение? Никакое. Так что если завязывать, то придется самому. Я смогу.

Женщина вздохнула:

– Хотелось бы верить.

Они вышли за КПП. Прапорщик, старший наряда полка внутренних войск, предупредил Бекетова:

– Вам бы лучше, товарищ капитан, не покидать в ночное время гарнизон.

– Почему? Или боевую готовность «повышенную» ввели?

– Не в том дело. У реки молодежь местная гулянки устраивает, а вы, я смотрю, туда как раз и решили пройти с дамой! Молодежь агрессивная, в основном под наркотой. Навалятся – не отобьетесь! Они иногда даже здесь тусовки устраивают. Камнями наряд забрасывают! Что говорить о тех, кого встретят в глухом месте? Не советую рисковать. Тем более, в этом нет никакой необходимости. Вон дорога до дамбы. Территория гарнизона. Гуляйте, сколько влезет!

Родимцева взглянула на капитана.

Но Бекетов не привык менять решений. Да и выглядело бы это нехорошо. Будто он испугался. С другой стороны, игнорировать вполне реальную угрозу глупо. И Бекетов готов был отступить, если бы не заметил озорной огонек в глазах Кристины. Женщина ждала, что примет кавалер.

Капитан взглянул на старшего наряда:

– Ничего, прапорщик, если что, прорвемся!

Помощник офицера лишь покачал головой:

– Настырный вы народ, спецназ! Да и у нас молодняк такой же! Без риска и жизнь не мила, так?

– Я бы сказал по-другому: волков бояться – в лес не ходить, а мы волков любой масти не боимся. Это они нас боятся.

– Ладно, вижу, не отговорить вас. Что ж, идите, гуляйте. Я предупредил.

– Спасибо.

И повернувшись к Родимцевой, Бекетов спросил:

– Идем, Кристя?

Женщина ответила:

– Идем!

Парочка обошла шлагбаум. У кювета, откуда начиналась грунтовая дорога к реке, старший поста окликнул офицера:

– Капитан! Подождите!

Подошел, протянул Бекетову ракетницу:

– Возникнут проблемы, дайте знать, я караул вызову!

Юрий принял ракетницу:

– Еще раз спасибо! До встречи, прапорщик!

– До встречи! Будем надеяться, благополучной!

– Надейся!

Бекетов с Родимцевой вошли в лес, который сразу обступил их черной стеной с обеих сторон грунтовки. Женщина поежилась:

– Неуютно как!? Лучше пошли бы к дамбе.

– Если хочешь, вернемся.

– Нет, примета плохая.

– Да ты, Кристина, не бойся. Все будет хорошо.

– А я и не боюсь.

Юрий закурил:

– Ты почти все обо мне узнала, а я вот о тебе ничего! Как в армии оказалась?

Женщина взглянула на офицера:

– Я, Юра, в отличие от тебя и несмотря на свои двадцать пять лет, и замужем успела побывать, и дочь родить, и развестись!

Бекетов был изумлен:

– Да что ты? Серьезно?

– Куда уж серьезней!

И женщина поведала рассказ о собственной судьбе. Рассказ о том, что кроме командира вышестоящего штаба, не знал никто. Из ее повествования следовало, что родилась она в бедной семье. Отец умер рано, и воспитывала ее мать. В семнадцать лет Кристина познакомилась с молодым человеком. Возвращалась от подруги, рядом остановился автомобиль. Парень, года на три старше ее, предложил подвезти девушку. Выглядел он мирно, разговаривал вежливо, Кристина решила и села. Парень представился Романом. Он довез Кристину до дома, не приставал, непристойностей не говорил. Попросил о встрече. Родимцева не отказала. В ближайшее воскресенье они встретились, да так и стали проводить время вместе. Роман оказался сыном известного в городе предпринимателя. Как-то представил ее родителям. Как же боялась она идти к нему в огромный трехэтажный особняк. Но встретили ее хорошо. Вскоре Роман сделал предложение. Это было под Новый девяносто седьмой год. Кристина приняла предложение. Не потому, что полюбила Романа, а больше потому, что устала жить в нищете и ущербности. Она, как и все девушки ее возраста, мечтала о жизни другой, богатой, красивой! А тут такой случай. Она просто не смогла отказать. Этой же ночью она стала женщиной. Сыграли пышную свадьбу. Роман через пару месяцев окончил университет, и отец передал сыну часть своего бизнеса. И вот тут жизнь Кристины резко изменилась. Они жили отдельно, и Роман с рождением дочери Вики стал вдруг меньше уделять внимания жене. Ну, когда она была беременна, это понять и объяснить еще можно было. Беременная женщина есть беременная женщина. Ни фигуры, ни лица, сплошные проблемы со здоровьем, то тошнота, то еще какая пакость. Но когда Кристина вошла в прежнюю форму, холод мужа был необъясним. До поры до времени, конечно. До того момента, как Роман перестал ночевать дома, а когда появлялся, то всегда навеселе, и

от него пахло чужими женскими духами. Кристина пыталась бороться за свою семью. Как-то узнала, что Роман с друзьями собрался в сауну. И решила поехать посмотреть на эту сауну. Дочь оставила своей матери, заказала такси и поехала. Лучше бы она не делала этого. Возле престижной бани, как это ни смешно звучит, Кристину встретили два охранника-мордovorота. Увидев, что она подъехала на такси и намеревается войти, мордovorоты спросили, к кому она пожаловала. Кристина назвала имя мужа. Охранники заржали, воскликнув: «Ну, разошелся сегодня шеф!» Родимцева тогда не поняла, чего ржут эти уроды. Все поняла она чуть позже, когда вошла в комнату, где и ее муж, и его друзья прямо на столах, диванах, в креслах имели голых молоденьких девиц. Вот тут она все поняла. Роман увидел ее, как кончил заниматься сексом с проституткой. Увидел, стоящую в шоке на выходе. И тут же набросился на супругу. Он не оправдывался, да и какое могло быть в данной ситуации оправдание? Он, с искаженным от злости лицом, схватил жену за волосы и вытащил в коридор. Вызвал охрану. Наорал на мордovorотов. Кристина попыталась вырваться, но потерявший над собой контроль Роман не дал Кристине сделать это. Он избил ее. И бил ожесточенно, яростно, крича, что она стерва, опозорила его перед компаньонами. Бил до тех пор, пока жена не потеряла сознание. Очнувшись Кристина у себя дома. Вся в синяках и ссадинах. Романа не было, присутствовала его мать. Кристина ожидала слова утешения, но свекровь, напротив, принялась укорять ее. Не надо лезть в мужские дела. Мол, ее доля – это дом, хозяйство, забота о муже, а сауны, что уж тут поделывать, неотъемлемый атрибут времяпровождения современных нуворишей. Вечером заявился Роман, пьяный. Вновь начал орать на жену. Предупредил, чтобы без его разрешения и шагу из дома не могла сделать. Приставил к квартире охрану, а скорее, надзирателей, дабы следить за тем, чтобы жена постоянно находилась дома. И всю неделю, возвращаясь домой пьяным, избивал ее!

Кристина вздохнула:

– Вот так, Юра, я стала рабыней собственного мужа. Но мириться с таким положением не пожелала. Выбрала момент и сбежала с дочерью к матери. Роман прибыл, притащив кучу мордovorотов. Пришлось вызывать милицию. Хорошо, что те оказались с понятием. Охранников обезоружили, а Романа арестовали. Затем суд дал ему пятнадцать суток административного ареста. Я знала, что муж не оставит меня в покое. Поехала в тот же суд, подала на развод. Но в суде сказали, что заявление рассмотрят через месяц. Ждать я не могла. Собралась уехать к тетке в Москву, но тут увидела объявление в газете: набирались мужчины и женщины до 35 лет для службы в армии по контракту. Я быстро собрала нужные документы, прошла медкомиссию и оказалась в учебном отдельном батальоне связи. Затем попала в войска. И уже из части оформила развод.

Юрий проговорил:

– Да, досталось тебе!

Кристина ответила:

– Сама виновата! Позарилась на красивую жизнь, вот и получила этой красоты с избытком.

Они вышли к реке. На берегу никого не было.

Постояв немного у воды, решили возвращаться.

На обратном пути Бекетов спросил:

– Как же твой бывший муж отдал дочь?

– Он бы и не отдал. Но спустя месяц, как я сбежала, Роман погиб. Я думаю, его просто убили. И не только его.

– В смысле?

– Как я узнала, бывший муж вновь собрал своих друзей все в той же сауне. Вызвали проституток и начали оргию. А под утро всех нашли мертвыми, даже охранников, которые почему-то тоже оказались внутри здания. Эксперты вынесли заключение, что веселая компа-

ния отравилась угарным газом. Но я не верю в это! Видно, кому-то перешел дорогу Роман, вот его и убрали. Но и черт с ним! Главное, что свекровь со свекром тут же отказались от Вики, и ее забрала моя мама. Сейчас они живут вдвоем.

Юрий вновь спросил:

– И сколько сейчас дочери лет?

– Шесть. Следующим летом в школу. Придется увольняться. Надо заняться Викой, а то не дело, что родную мать не видит!

– Это точно.

Кристина остановилась, взглянув на капитана:

– Ну, что, Юра, не отпала охота продолжать ухаживания за матерью-одиночкой? Ведь вокруг много молоденьких, без «хвостов»!

Бекетов возмутился:

– О чем ты говоришь? За кого меня принимаешь? Я, может, и пьянь беспробудная в твоих глазах, но не подонок! А то, что у тебя дочь, это даже к лучшему.

Кристина удивилась:

– Почему к лучшему?

– Да потому, что если у нас что-то сложится, то сразу полноценная семья образуется!

– Все зависит только от тебя!

– Теперь я понимаю, почему ты так негативно относишься к пьянке. Конечно, столько пережить, да еще в твои-то годы, возненавидишь всех пьющих!

– Хорошо, что ты правильно меня понял.

– Хорошо-то хорошо. Ладно, завязываю. Но ты только не торопи меня. Чтобы отказаться от поила, нужно время, сразу бросить не смогу, я себя знаю. Но в итоге завяжу однозначно! Решено!

Кристина бросила взгляд на капитана:

– А не успокаиваешь ты себя, Юра? И стоит ли тебе жертвовать свободой ради бабы с ребенком?

– Кристя, прекрати!

Так, за разговорами, вышли на КПП.

Прапорщик, увидев молодых людей, улыбнулся:

– Ну, что, экстремалы, все нормально?

Капитан ответил:

– Я ж говорил тебе, прорвемся. Правда, прорываться не пришлось, на реке тишина и покой. В лесу то же самое. Так что напрасны были твои страхи, прапорщик!

– Ну и слава богу!

Бекетов вернул дежурному по контрольно-пропускному пункту ракетницу и, взяв Кристину под руку, повел ее асфальтированной дорогой в городок. Шли молча, каждый думал о своем. Подошли к барaku, где размещался женский взвод роты связи. Женщины жили по двое в отдельных комнатах, так же, как и офицеры в общежитии. Остановившись у огромного куста акации. Кристина посмотрела на часы.

– Ого, первый час! А кажется, совсем недавно из клуба ушли. Быстро же время пролетело.

Юрий вдруг резко притянул женщину к себе. Впили губами в ее губы. Кристина не ожидала этого и попыталась вырваться. Но офицер держал ее крепко.

Через мгновение женщина перестала сопротивляться и ответила на затяжной поцелуй, начав неожиданно дрожать всем телом. Затем нашла в себе силы вырваться из объятий капитана:

– Ты... ты... зачем вот так?

– А вот так! Черт бы побрал эту прогулку!

– Но в чем дело?

– В чем? Я же живой человек, а не бревно бездушное! Я ласки хочу, а ты... ты силой!

Ну почему, зачем все испортил? Неужели не мог иначе?

Развернувшись, женщина побежала к бараку, оставив растерянного Бекетова у акации.

Капитан тряхнул головой.

Вот как, а? Все испортил! И чего такого особенного он сделал. Поцеловал ее? И что? Ведь ответила же! И тело затрепетало от желания! Хотя... конечно виноват. Должен был понять: иной реакции от Кристины ждать нельзя. Натерпелась насилия в свое время. Черт! Бестолочь, идиот!

Сплюнув на асфальт, капитан пошел в общежитие. Чтобы не будить дежурного, проник в номер через окно, как делал это не так редко. Очутившись в комнате, Бекетов, не думая, открыл холодильник, достал начатую бутылку водки, из горла в несколько глотков опорожнил ее. Бутылку выбросил на улицу. Сел на кровать, закурил. Ожидая, что спиртное подействует и свалит его в сон. Не свалило. Так, лежа в постели, Юрий и смотрел в потолок, пока за окном не заиграл рассвет.

Не спала этой ночью и Кристина. И ее покинул сон, а в мозгу бились мысли. И были эти мысли о Бекетове. И чем дольше женщина думала о нем, тем более утверждалась в том, что поступила с капитаном жестко! Он же не Роман! Он совсем другой человек. Честный, благородный, чистый! Ну и что, что не сдержался? Ведь его можно понять! Живет один, неустроенной жизнью, постоянно рискуя ею. Нет, не надо было отталкивать его! Наоборот, обласкать, обогреть. К тому же Кристина сама желала близости с ним. А вышло как? Нехорошо вышло. Он теперь обидится. А может и запьет! Что же она не сдержалась?! Надо завтра же встретиться с Юрием и поговорить. Он мужчина, он должен чувствовать себя сильнее женщины. А она, дура, по сути унизила его. Какая капризная, выискалась. Да мало ли что было в прошлом, прошлое надо помнить, а вот жить следует настоящим! Да, завтра обязательно она найдет его и поговорит. С этим, когда за окном начало светать, Кристина забылась коротким сном.

Глава третья

Горный блокпост. Среда 22 сентября. 7-30.

Жаров проснулся оттого, что луч солнца через амбразуру лег на его лицо. Он поморщился, поднял руку, посмотрел на часы. Пора вставать. Взвод с шести часов бодрствует, а он со связисткой еще в постели. Но вставать с матрасов, сброшенных с кровати и образовавших единое любовное ложе, не хотелось. Хотелось другого, а именно утреннего удовольствия, к которому всего за двое с небольшим суток приучила его сержант Губочкина. За дверью блиндажа тихо, стараясь не подходить к командному пункту блокпоста, догадываясь, чем в это время может заниматься их командир, нес службу Демидов. Да и заместитель Жарова, контрактник Мансуров строго следил, чтобы старшему лейтенанту не мешали. Служба службой, а личная жизнь личной жизнью. Жаров повернулся к Валентине. Женщина лежала на животе, подмяв под себя простыни совершенно голая. Игорь, проглотив слюну, положил правую руку на ее ягодицы. Желание усилилось. Связистка проговорила сонно:

– Так будешь, или вставать на колени?

– Встань!

Валентина вздохнула и выполнила просьбу партнера. Старший лейтенант вошел в нее грубо, без подготовки, впрочем, никакой подготовки и не требовалось. Случка продолжалась недолго. Через мгновения, издав стон наслаждения, Жаров упал на постель. Рядом, перевернувшись, опустилась и Валентина:

– Ну что, командир, доволен?

– Не то слово, Валюша! Ты чудо!

– Мог бы и разнообразить речь, а то третье утро твердишь одно и то же! Какое я тебе чудо? Нет, сказал бы: ты прелесть или что-то в этом роде, а то чудо. Оно, это чудо, разным бывает!

– Ты же понимаешь, в каком смысле я!

– Понимаю. Подвинься, я в душ! А то не хватало мне еще забеременеть от тебя!

Жаров усмехнулся:

– Тебе и забеременеть? О чем ты, Валя? После стольких-то абортот?

– А ты их считал? Может, я ни одного не делала, а предохранялась! Так что подвинься!

Старший лейтенант пропустил женщину и, облокотившись на руку, проводил ее взглядом в пристройку. Валентина совершенно не стеснялась его. Только проговорила с порога:

– Ты гляди, да о времени не забывай. Скоро завтрак принесут.

Жаров резко поднялся:

– Ты, как закончишь водные процедуры, приберись здесь, да связь с батальоном к восьми часам организуй!

Войдя в душевой отсек, Валентина сплюнула на настил. Охамел, мальчонка! Хозяином себя почувствовал. Мужиком! Да если б она не подыгрывала ему и не стонала наигранно, то пыл бы Жаров поубавил. Стебарь из него никакой! Так, шелупонь по сравнению с теми, кого она имела в своей жизни. Ему целочку, да и то на пару раз. Не может удовлетворить бабу, да и чем удовлетворять-то? Не член, а так, не пойми что десятисантиметровое. А ведь мнит-то из себя! Ну, супербой, не иначе! Интересно, как он других трахает? Или больше понтуется? А может, ему такие попадаются, которые сами-то толком в половой жизни ни хрена не смыслят? Может, и так. Но что это она о нем? Отвалил, и черт с ним. Теперь до вечера. Ничего, недолго здесь коптиться осталось. Сегодня среда, в понедельник взвод сменяет, а в гарнизоне она этого сопляка и на пушечный выстрел не подпустит. Но это будет потом.

Приведя себя в порядок, Губочкина застелила кровати, подмела пол, села за рацию.

Жаров тоже думал о ней. Играет, шлюха. Вот уже третью ночь играет, показывая старлею, как балдеет от него. А у самой глаза пустые. Не удовлетворяет он ее, это ясно. Но не важно. Главное, Валентина безоговорочно и с наигранным удовольствием выполняет все его прихоти. Наверно, считает, сука, дни до конца наряда и рассчитывает избавиться от Жарова, как только вернется в часть. Напрасно рассчитывает. Как только увидит подарок, который задумал он купить, в момент просечет тему. Такие просекают ситуацию в шесть секунд. Так что будет и дальше раздвигать ноги, как только этого захочет старший лейтенанта. Он эту секс-бомбу не отпустит. Потратится прилично, но не отпустит. Да она сама приклеится, въехав в то, какую выгоду займет, ублажая его. Единственно, чтобы не светить связь в гарнизоне, придется хату в станице снять. Но с этим Мансур поможет. А потом шлюшку можно будет использовать и в обработке Родимцевой. Не напрямую, конечно, а аккуратненько со стороны. И в первую очередь для того, чтобы отвернуть Кристину от Бекетова, а то между ними вроде как начинают складываться серьезные отношения. Этого допустить нельзя. Родимцева должна стать его, Жарова, бабой! Капитан облизнется. Запьет и вылетит из армии! Вот тут уже заместитель по воспитательной свое веское слово скажет. И никуда не денется! Так что напрасно Валентина надеется избавиться от Жарова, а Родимцева связать жизнь с Бекетовым. Ничего у них не получится. Потому что так решил он, Жаров. И его сила в деньгах. Тот, кто имеет деньги, имеет все! К Родимцевой он подход найдет. В части Жаров на хорошем счету, перспективный офицер, активист, не то что заслуженная пьянь Бекетов. Подкатить к Кристине, с ее косяками о жизни праведной, несложно. Просто надо прикинуться таким же праведником. И брать не нахрапом, а по-тихому, терпеливо, но упорно. Где пожалеть, где приласкать. Пусть сначала словом, для души. Наступит время и для тела. Торопиться старлею некуда. Для развратных утех под рукой останется Валентина. Так что все пока идет хорошо. И будет лучше после того, как ночью по ущелью пройдет караван. Его доля тридцать тысяч. Неплохие деньги. Можно и больше взять, но заартачится Мансур. Да и замполит проявит неудовольствие. А это Жарову не нужно. Так что придется отвалить им по червонцу. Ничего, не обеднеет. Зато Индюков сделает все, что потребует взводный! Он очень нужен в комбинации против Бекетова! Вот и отработает надбавку к доле. А если все по уму сделает и добьется увольнения капитана, или перевода в другой округ, то и премию солидную получит.

Так думал временный начальник поста, не допуская мысли о том, что где-то может ошибаться. И о том, что сам балансирует между жизнью и смертью. Бандитам опасные свидетели не нужны. Их кормят до поры до времени, но как только надобность в них отпадет, то в большинстве случаев таких, как Жаров и Индюков, просто убирают.

Вот об этом совершенно не думал Жаров, находясь в иллюзии полной своей безопасности и купаясь в грязных мечтах о господстве над другими.

Приведя себя в порядок, старший лейтенант придирчиво осмотрел помещение. Осмотром остался доволен. Валентина выполнила все, что от нее требовалось. Все же женщиной она была аккуратной! Жаров оделся, присел рядом с Губочкиной. Часы показывали 7-55.

Вошел Мансуров:

– Разрешите, товарищ старший лейтенант?

Жаров разрешил:

– Входи, сержант!

– Утренний доклад, командир!

– Слушаю!

– На блокпосту за истекшие сутки происшествий не случилось, личный состав занимается согласно расписанию!

– Все?

– Так точно!

– Свободен. Далеко не уходи, после сеанса связи обойдем позиции отделений, посмотрим, как на деле личный состав занимается.

Сержант-контрактник козырнул:

– Есть, товарищ старший лейтенант!

И вышел из блиндажа.

Ровно в 8-00 Губочкина вызвала оперативного дежурного батальона спецназа:

– Равнина! Я – Затвор-21! Прошу ответить!

Батальон ответил. Но почему-то голосом заместителя командира по воспитательной работе:

– Я – Равнина, слышу вас хорошо!

Губочкина удивленно взглянула на взводного, прошептав:

– Индюков? С чего бы это?

Старший лейтенант, ожидая выход на связь именно замполита, а не оперативного дежурного, пожал плечами:

– А черт его знает!

Ответил в микрофон, переданный ему связисткой:

– Я – Затвор-21. Докладываю обстановку по объекту на 8-00 22 числа. У нас все спокойно. Пост несет службу в режиме постоянной боевой готовности. Происшествий и случаев проникновения в зону ответственности подразделения не зафиксировано. Как поняли меня, Равнина?

– Понял вас, Затвор-21! Продолжайте несение службы. Напоминаю, особое внимание за контролем над зоной ответственности объекта уделять в темное время суток!

– Принял, Равнина!

– Конец связи!

– Конец!

Старший лейтенант улыбнулся связистке:

– Ну вот и отстрелялись на сегодня!

Валентина спросила:

– Почему все-таки сегодня на связь вышел замполит?

Жаров, поднявшись, потрепал подчиненную любовницу за щеку:

– А вот об этом ты, дорогая, как вернешься в батальон, сама у Индюкова спросишь. А сейчас слушай эфир. Я на обходе поста! Пока, любовь моя ненаглядная!

И не дожидаясь ответной реплики Губочкиной, старший лейтенант покинул блиндаж, где в траншее у ближайшей стрелковой ячейки первого отделения его ждал сержант Мансуров.

Контрактник фамильярно обратился к офицеру:

– Что, Игорек! Не высосала из тебя еще все соки наша Валюша?

Тон сержанта, а больше его кривая ухмылка пришлась не по душе оборотню:

– Тебе какое до этого дело, а? Может, сам глаз положил на связистку?

– Нет, лейтенант. Шлюхи типа Губочкиной меня не интересуют. Хотя, если быть откровенным, то парочку раз ...

Старший лейтенант оборвал сержанта:

– Забудь об этом!

Мансуров удивился:

– Это еще почему? Или связистка твоя собственность?

Жаров сощурил глаза:

– Не нравится мне этот разговор, Мансур! Пока мы здесь, баба будет моей! А в части, если желаешь, попробуй подвалить к ней на пару палок. Но сомневаюсь, что она пойдет с тобой! И закончили этот базар. Нам надо проход каравана готовить.

Мансур зевнул:

– Закончим, так закончим, а обеспечение акции с моей стороны готово. В ночь на пост в БМП отправлю Гошу, сам займу позицию на огневом рубеже. Сектор же Катаванского ущелья на тебе.

– Это я помню. Во сколько Мулат должен сбросить сигнал, подтверждающий акцию?

– В 16-00!

– Ты говорил с Расулом?

– Конечно. Пока ты поутру на связистке оттягивался.

– Мансур! Не раздражай меня. Что сказал Расул?

Сержант пожал плечами:

– То, что и обычно. Его люди будут встречать караван Мулата сразу за поворотом Шунинского ущелья, где кончается граница зоны ответственности блокпоста.

– Он был спокоен?

– Абсолютно.

– Хорошо. Пройдись по рубежам первого и второго отделений, я проверю людей на высоте.

– Как скажешь, командир.

– Я уже сказал.

– А я уже ушел. До встречи, Игорек!

– Давай!

Жаров прошел до узкой траншеи, аппендиксом отходящей от основной оборонительной линии, вышел на тропу, ведущую на рубеж третьего отделения.

Проводив офицера взглядом, Мансуров, выкурив сигарету, зашел в блиндаж командного пункта. Увидев его, Валентина немного смутилась:

– Ты, Оман?

– Я, дорогая, я!

– Чего пришел?

– Не догадываешься?

– Ты о связи с Жаровым?

– Угадала! Что ж ты, стерва, с первой ночи под офицеришку подстелилась?

– Что мне оставалось делать? Отказать ему? И почему я должна была отказывать Жарову? То, что я переспала с тобой в батальоне, ни о чем не говорит. У тебя жена, красавица Роза, дом семья. Мне, извини, тоже хочется жить по-человечески!

Мансур усмехнулся:

– Это с этим пацаном?

– А почему бы и нет?

– Не смейся ее, она и так смешная!

Валентина поднялась:

– Так, Оман, ты чего пришел?

Сержант ожег связистку взглядом своих черных, колючих и безжалостных глаз:

– У нас с тобой двадцать минут, пока Жаров будет по позициям шариться. Этого хватит, чтобы и я получил удовольствие, и ты узнала, что такое настоящий мужчина. Сняла штаны с трусами и в кровать! Быстро!

Губочкина попыталась возмутиться:

– Да как ты смеешь?

Хлесткая пощечина чуть не повалила ее на пол.

Мансур, расстегивая брюки, повторил:

– Я сказал, в позу! Иначе... но до этого лучше не доводи меня.

Не ожидавшая удара и испугавшаяся гнева чеченца, Губочкина повиновалась и уже через мгновение забыла и о пощечине, и об унижении. Мансур умел доставлять женщинам удоволь-

ствие. Близость с ним не шла ни в какое сравнение с тем, что она испытывала, ложась под Жарова. Мансур оттянулся на славу. Он не дал продыха связистке все двадцать минут. Наконец, оторвавшись от нее, удовлетворенно спросил:

– Ну, как, Валюша? Тебе было со мной лучше, чем с Игорьком?

Ослабевшая женщина, поднявшись с кровати, произнесла:

– Да, Мансур, лучше! Я впервые удовлетворилась за двое суток! В прошлый раз ты показался мне слабее. Сейчас я получила то, чего не имела давно!

– То-то же, Валюша! Вернемся в часть, и если возникнет желание, обращайся без лишних слов. Помогу! Ведь мужчина просто обязан исполнять желания женщин, даже самые безрассудные и порочные, не так ли?

– Не знаю. Но тебе пора. Жаров может в любую минуту вернуться. А мне срочно нужно в душ.

Сержант рассмеялся:

– Боишься забеременеть? Ничего! Надо будет, я тебе такого врача подгоню, вычистит в лучшем виде!

– Да иди ты ради бога!

– До встречи, крошка!

– Иди, иди!

Мансуров вышел из блиндажа, слыша, как связистка загремела тазом в душевой. Вновь усмехнувшись, пошел к блиндажу второго отделения.

Жаров появился минут через десять после его ухода. Собрался пройти по позициям, но обнаружил, что кончились сигареты. Зашел в блиндаж. И сразу заметил бегающие, виноватые глазки Валентины и красноту, покрывшую ее левую щеку.

– Что с тобой, Валя?

– Ничего. Все нормально.

– А чего щека красная?

– Наверное, оттого, что опиралась ею о ладонь, сидя перед станцией.

– Да? А мне кажется, кто-то дал тебе пощечину.

Губочкина изобразила удивление:

– Думаешь, о чем говоришь?

Старший лейтенант заметил свежий мокрый след у двери, ведущий в душевую кабину:

– А это что?

– А что, я не могу во время дежурства душ принять? Или в туалет выйти? Ты чего домогался до меня, Игореша? И вообще, что за претензии? Тебе не кажется, что ты уже все грани переходишь? Я тебе не жена, чтобы по обязанности ноги раздвигать! И не для этого здесь! Ты понял?

Жаров посчитал за лучшее пойти на попятную, хотя чувствовал, что связистка обманывает его. Кто, пока он бродил по позициям, наведывался к ней и зачем наведывался, догадаться несложно. Точно, Мансур поймел связистку! Мразь черножопая. Но предъявить старлей заместителю и подчиненной ничего не мог. А посему приходилось строить из себя идиота:

– Ладно, ладно, успокойся. Чего ты в крайности кидаешься? Все нормально. Вот только как бы не простудилась. Вода в баке холодная, а ты, насколько знаю, предпочитаешь тепло. Мансуров на связь не выходил?

Валентина, закулив сигарету, ответила:

– Нет! Шарахался по траншее, но куда пошел, не знаю, внутренней связью не пользовался.

Старший лейтенант достал из чехла портативную рацию малого радиуса действия:

– Мансур?

– Да, командир?

- Ты где сейчас?
- Во втором отделении, а что?
- Ничего! Проверь, чтобы обед вовремя подали!
- Это обязательно было напоминать?
- Ты понял, что надо сделать?
- Так точно, товарищ старший лейтенант!
- Исполняй!

Жаров присел на диван, задумался. А правильно ли он поступил, делая вид, что ничего не произошло? Если не начать обрабатывать Губочкину сейчас, то Мансур, урод, вполне может невольно сорвать планы старлея в отношении Родимцевой, уведя от него связистку. Так не приоткрыться ли перед Валентиной прямо сейчас? Что должно заставить ее задуматься. Баба она практичная, поймет, что к чему, с полуслова. А не поймет, то будет мучиться в догадках, находиться в непонятке. Но не допустит ли он ошибки, открывшись связистке? Не повернет ли та против старлея его же оружие? В принципе, не должна. Черт! Или оставить пока как все есть! Но это тоже рискованно. Надо было чеченцу влезть в его дела?! Теперь решай, что предпринять. А то, что предпринимать что-либо необходимо, Жаров чувствовал каким-то особым чувством.

Из задумчивости его вывела связистка:

- Что с тобой, Игорь? Тебе плохо?

В голосе Губочкиной ощущалась фальшь, правда, не без примеси искреннего сочувствия. Странное сочетание, но именно таковой и была в жизни связистка. И старший лейтенант решился. Он поднялся, оперся руками о стол, произнес:

– Послушай, Валя, меня внимательно! Не связывайся с Мансуром, и совсем скоро ты убедишься, что быть со мной тебе намного выгодней, чем с кем-либо другим в гарнизоне. Только я в состоянии дать тебе то, о чем ты сейчас даже мечтать не можешь! Да, тебе придется делать то, что скажу я. И делать беспрекословно. Но... за очень приличное вознаграждение. Это касается не только ублажения моих прихотей в постели, но и других дел, совершенно для тебя безопасных. Поведешь себя правильно – через непродолжительное время станешь женщиной свободной, независимой и обеспеченной настолько, чтобы начать новую жизнь. Откажешься, так и останешься гарнизонной шлюхой, у которой одна перспектива: ходить по рукам, пока будешь представлять интерес как женщина. Но с годами интерес к тебе пропадет. А вместе с ним пропадешь и ты. В твоём нынешнем положении тешить себя надеждой подцепить какого-нибудь лоха-прапора или лейтенанта, заставив жить с тобой в законном браке, бессмысленно. И ты это прекрасно знаешь. Но у тебя еще не все потеряно. И помочь тебе могу только я! Естественно, заставляя тебя я не буду, принять решение ты должна сама, и добровольно. А я докажу, что могу держать слово. Так что, дорогая, решай. Либо со мной до поры до времени, либо... Но о втором варианте я уже сказал, повторяться не буду!

Такой речи связистка никак не ожидала. А уж сделанного предложения тем более. И как вдруг изменился этот пацан Жаров? Сейчас он не выглядел мальчишкой. Напротив, Валентина впервые почувствовала в нем какую-то скрытую силу и угрозу, угрозу, более серьезную, чем представлял чеченец Мансуров. Она спросила:

- Что я должна буду делать, если приму твое предложение?

Жаров ответил:

– Во-первых, больше и близко не подпускать к себе Мансурова. Не стоит отрицать, что он был здесь в мое отсутствие и пользовался тобой. Черт с ним. Эта тема закрыта! Во-вторых, вечером, как всегда, ты должна накрыть на полу постель, чтобы продолжить наши любовные игры, независимо от того, доставляют они тебе наслаждение или вызывают отвращение. Мне плевать на то, как ты принимаешь близость. А об остальном более конкретно мы поговорим по

возвращении в батальон. И, пожалуйста, дорогая, определись с выбором до обеда. За столом ты должна будешь объявить мне свое решение. Помни: решение, от которого зависит твоя судьба!

Губочкина внимательно посмотрела ему в глаза:

– Заинтриговал ты меня, дальше некуда! Я подумаю, Игорь, и в обед ты получишь ответ.

– Не сделай ошибки, дорогая.

– Постараюсь.

– Постарайся!

Старший лейтенант поднес ко рту портативную рацию:

– Мансур?

– Я, командир!

– Что с обедом?

– Порядок. По распорядку.

– Добро! Теперь следуй в капонир позиции «АГС-30», убери оттуда солдат и жди меня там.

– Что-нибудь случилось?

– Ничего серьезного, сержант. Просто тема для личной беседы образовалась.

– Вот как? Хорошо. Жду в капонире.

– Отбой!

Отключив рацию, Жаров направился к выходу из блиндажа. У тамбура остановился, бросил через плечо связистке:

– Не забудь стол накрыть вовремя. Да спирт разбавь. Я сегодня выпью. Тем более, что будет повод. В любом случае!

Не дожидаясь ответа, Жаров вышел в траншею. Возле станкового гранатомета уже находился Мансуров. Увидев командира взвода, он с присущей ему ухмылкой первым задал вопрос:

– Что случилось, Игорь?

Жаров подошел к нему вплотную:

– Спрашиваешь, что случилось? Дурочка решил из себя строить?

Взгляд Мансура посуровел:

– В чем дело, Жаров?

Старший лейтенант повысил голос:

– В твоём паскудстве, сержант!

– Что?

– Ничего! Ты какого черта суешься в мои личные дела? К Губочкиной специально нырнул, чтобы мне подлянку подкинуть?

– Да с чего ты взял, что я трахал твою Валентину?

Жаров хотел резать по этой лживой физиономии, но сдержался, взяв себя в руки:

– Короче так, сержант. Либо ты сейчас же клянешься мне в том, что никогда не доставишь мне хлопот даже в мелочи, а будешь служить верой и правдой нашему общему делу, что подразумевает твое полнейшее подчинение мне, о чем, кстати было оговорено на встрече с Расулом в свое время, либо я связываюсь с чеченом и предупреждаю его о том, что проход для каравана будет заблокирован. Ущелье закроется до тех пор, пока между нами не будут сняты возникшие противоречия. Причем вину за срыв акции я возложу на тебя, да оно так и есть на самом деле. Слишком много ты взял на себя, сержант!

Мансур выслушал Жарова:

– Все сказал? Теперь выслушай меня! Если ты сорвешь проход каравана, то ответишь за это в полной мере. Собственной шкурой! Так что особо не понтуйся и в позу не вставай! Тебя купили. И теперь ты должен отрабатывать получаемые деньги. А то, что я трахнул гарнизонную шлюху, так это мое и ее дело. Я твою ценную Валентину не насиловал. Сама дала.

Так что не хера мне выставлять претензии. Эта сучка в нашем деле ни при чем. А с Расулом хочешь связаться? Свяжись! Только потом я тебе не завидую!

Сержант рассчитывал, что сумел отбить натиск взводного и припугнуть его, но не тут-то было. Старший лейтенант пошел ва-банк:

– Ты, Мансур, о себе лучше подумай! С Расулом я свяжусь и объясню ситуацию. Посмотрим на его реакцию! Пусть он решит, как можно работать с человеком, который своими выходами ставит под угрозу проведение важной акции. Я не могу доверять тому, кто ведет за моей спиной двойную игру, даже если эта игра касается обычной шлюхи. Нельзя доверять тому, кто собственные амбиции ставит выше дела. А ты поступаешь именно так! Расул, а тем более Мулат люди не глупые, они разберутся, кто в действительности виноват в срыве акции, и кто будет платить свое шкурой – еще большой вопрос! Таких, как ты, можно внедрить в армию сотнями, это не проблема, а вот заполучить в союзники кадровых офицеров – совсем другое дело! Так что решай, Мансур, либо я сейчас же выхожу на связь с Расулом, либо ты клянешься мне в полном подчинении.

Мансур готов был разорвать этого сопляка в погонах старшего лейтенанта, но в одном тот был прав. Завербованные офицеры Российской армии ценились гораздо выше каких-то там наемных контрактников, несмотря ни на какие родственные связи. И если Расулу с Мулатом придется выбирать между ним, Мансуром, и Жаровым, да еще в придачу с замполитом батальона, то главари бандформирований однозначно пожертвуют сержантом! Так что придется идти на поводу этого пацаненка. Сержант подтянулся:

– Хоп, командир! Признаю, что был не прав. Допустил непростительную ошибку, грубо вмешавшись в твои личные дела. Клянусь Аллахом, в дальнейшем подобных вещей не допускать, а выполнять твои указания беспрекословно и в установленном порядке! Этого достаточно?

– Достаточно. Но учти ...

– Игорь! Я же дал клятву! Не надо ни о чем меня больше предупреждать!

– Хорошо, закроем тему, будем считать, что ничего не произошло. Сейчас иди на кухню, проконтролируй прием пищи личным составом, а в 15-30 встречаемся здесь же. Снимаем сигнал, подтверждающий ночной проход каравана Мулата.

Сержант кивнул:

– Понял. Разреши удалиться?

– Давай! И не обижайся, Оман. Иначе поступить я не мог.

Мансур улыбнулся:

– Да ладно. А вообще ты молодец. Не ожидал. В жизни так и надо. Выживает сильный, слабых давят. Я думал, ты слабый, ошибся! И можешь не поверить, но рад этому. А насчет обиды даже базара быть не может. Никаких обид.

– Хорошо. Работай.

Сержант последовал к полевой кухне, старший лейтенант вернулся в блиндаж.

Валентина уже накрыла стол.

Посередине стояла фляжка со спиртом и банка с водой. Губочкина разбавила спиртное в пластиковой бутылке. Жаров спросил:

– Приняла решение?

Женщина ответила:

– Да!

– Слушаю.

– Я решила, Игорек, подчиниться тебе. Но если ты не сдержишь своего слова о вознаграждении, договор будет расторгнут. Согласен?

– Вполне. За это и выпьем.

– Я не пью спирт!

– Извини, но «Мартини» я тебя угостить не могу, так что придется выпить то, что есть! Старший лейтенант разлил крепкий напиток по кружкам. Себе граммов 200, любовнице и поделнице с этого мгновения наполовину меньше.

Поднял кружку:

– За наше взаимовыгодное и очень приятное, по крайней мере для меня, сотрудничество! Валентине пришлось подчиниться.

Она с трудом проглотила разбавленный спирт, тут же закусив соленым помидором.

После обеда почувствовала себя плохо. Ее тошнило. Не привыкла к крепким напиткам. Попросила разрешения прилечь. Старший лейтенант спросил:

– А как же связь?

– Так я же буду рядом.

– Хорошо. Полежи, поспи. Но так, чтобы сеанс связи не пропустить. Впрочем, сейчас в части вряд ли кто вспомнит о нас. Ложись. А я пройду, не буду тебе мешать.

Начальник блокпоста вышел из блиндажа, направившись в пустой капонир. Без пяти четыре появился Мансуров с биноклем на груди. Доложил, как ни в чем не бывало:

– С обедом порядок, командир. Личный состав накормлен.

– Хорошо. Дай оптику, я свою в блиндаже оставил.

Сержант передал бинокль офицеру.

Жаров навел объективы на верхушку перевала, прямо напротив капонира, чуть правее начала трещины, рассекающей склон до террасы и входа в пещеру.

Ровно в 16-00 среди двух валунов появился черный флаг. Без оптики с поста заметить его было невозможно. Флаг замер на несколько секунд, затем невидимый знаменосец помахал им из стороны в сторону. После чего черное полотно исчезло, вершина Катаванского перевала приняла первозданный вид.

Старший лейтенант, опустив бинокль, удовлетворенно проговорил:

– Порядок. Есть сигнал.

Мансуров спросил:

– С Расулом мне связаться?

Жаров неожиданно для контрактника запретил:

– Нет. Я сам сделаю это. Следуй в блиндаж первого отделения, отдыхай до полуночи! Затем выставишь на позиции Гошу и сам займешь обычную позицию. Перед началом акции, я подойду к тебе.

Сержант пожал плечами:

– Как скажешь, командир.

– Давай, Мансур!

Контрактник побрел по траншее к полемому укрытию первого отделения, где был оборудован его спальня. Проходя мимо главного блиндажа, сплюнул на камни. Козел! Но ничего предпринять против Жарова Мансуров не мог. Пока не мог! А дальше время покажет, как и кому ляжет козырная карта.

Старший лейтенант так же дошел до блиндажа, но остановился, не входя в укрытие, за душевой кабиной, в ближайшей пустой стрелковой ячейке второго отделения. Достал из накладного кармана миниатюрный американский прибор кодированной связи. Такие же приборы имели Мансур, Расул и Мулат. Поднес рацию ко рту, нажал клавишу вызова нужного абонента.

В это же время Валентина почувствовала приступ рвоты. Проклинав Жарова с его спиртом, женщина встала, прошла в душевую, нагнулась над отверстием стока воды. Желудок сдавил спазм, но ее не вырвало. Тогда Губочкина решила искусственно вызвать рвоту. И уже засунула два пальца в рот, как голос за бревенчатой перегородкой остановил ее. Женщина услышала, как старший лейтенант вызвал кого-то:

– Расул? Жар. Да, я! Сигнал снял. Проход каравана сегодня ночью в 3-00. Что? Почему не Мансур? А какая тебе разница? У Омана есть дела по службе! ... Да! Да, конечно! Все будет как обычно! Не беспокойся. Прошу, предупреди Мулата, чтобы поторопил людей на входе, чтобы мне не пришлось подозрительно долго отвлекать караул Катавана. Да и деньги готовы. Теперь они мне ой как потребуются. Что? ... Да, нет, никуда я не собираюсь линять, просто предстоят большие затраты на одну блядь... Это мое дело, Расул! Вот и я о том же. Ну, все, конец связи! До вторника!

Валентина, побледнев, забыла о тошноте. То, что она услышала, буквально шокировало ее. Очнувшись, она быстро юркнула в блиндаж, легла в кровать, накрывшись одеялом, притворившись, что спит. Сделала она это вовремя, по сути, сохранив жизнь.

Выключив рацию, Жаров взглянул на блиндаж. Увидел женщину, укрытую одеялом. Жаров подошел к постели. Перегнувшись, взглянул в лицо. Оно было бледным, но спокойным. Дыхание ровное. Спит! Это хорошо! Для подстраховки старший лейтенант заглянул в душевую кабину, ничего особенного не заметил. Похоже, связистка не заходила сюда. А не заходила, значит, и не слышала его разговора с Расулом. Но он допустил серьезный промах. Расслабился. Надо собраться и быть настороже. Хотя бы до завтрашнего утра. Потом можно будет отдохнуть. Пока осторожность и предельная концентрация внимания. Закурив, Жаров покинул блиндаж, направившись на запасные позиции третьего отделения.

А Валентина, как только офицер ушел, открыла глаза. Ее сковал ужас. Жаров связан с бандитами. Теперь понятно, почему он обещал приличное вознаграждение. Лейтенант-оборотень получает деньги за пропуск через границу караванов. А за это платят большие деньги. Очень большие деньги. И Жаров решил как-то использовать ее, Губочкину! Ведь говорил же, что ей еще кое-что придется делать, кроме того, как быть его любовницей. Вот влипла! Доигралась, дура! Дораздвигала ноги! Ведь она с этого дня, по сути, стала сообщницей предателя. И ни хрена не сделаешь! Люди, занимающиеся переправкой караванов, беспощадны! Раз заманили в западню, то уже не выпустят. Да, попала так попала. Но интересно, с кем здесь на блокпосту работает Жаров? Одному ему не под силу обеспечить проход каравана. Мансур, это ясно. А кто второй? Неужели Демидов, которого они постоянно держат при себе и зовут Гошей? Возможно. Но может быть и не он, а любой другой боец из первого или второго отделения. Но похоже, ее, Губочкину, Жаров в главные грязные дела посвящать не собирается. Он отводит ее роль в гарнизоне. Какую роль?

Валентину все же вырвало. После чего наступило облегчение. Заставив себя еще и успокоиться, она вновь легла в постель.

Глава четвертая

Военный городок у станции Разгульной, среда 22 сентября, 9-20.

Ночью оперативный дежурный полка внутренних войск получил телефонограмму, из содержания которой следовало, что в пятницу в гарнизон Разгульной нагрянет комиссия штаба Северо-Кавказского военного округа. Текст телефонограммы командир полка довел до комбата батальона спецназа. И хотя проверка комиссии планировалась в полку, подполковник Белянин решил подстраховаться и подшаманить территорию батальона, отменив на сегодня все плановые занятия. Поэтому после развода, отправив взвод наводить порядок в районе специальной полосы, капитан Бекетов решил остаться в части. От выпитой ночью солидной дозы спиртного его мутило. Казарма давила своей духотой и разнообразными неприятными запахами. Взводный вышел на улицу. Достал из пачки сигарету, прикурил. И тут же выбросил в урну, захлебнувшись кашлем, вызвавшим острый рвотный приступ и обильное слезоотделение. Откашлявшись и выругавшись, капитан решил пройтись по тенистой аллее, ведущей к штабу полка и общежитию роты связи. Одно обстоятельство скрашивало и даже облегчало состояние офицера. И заключалось оно во вчерашней прогулке с Кристиной. Наконец, она согласилась провести с ним время наедине. Воспоминания прошедшей ночи теплой волной накрыли капитана. Накрыли настолько, что он не заметил скамейку в окружении кустов акции, на которой сидела та, о ком и были его мысли. Родимцева окликнула Бекетова:

– Доброе утро, Юра!

Капитан, вздрогнув, повернулся на голос:

– Крестя? Как же я не заметил тебя?

Женщина улыбнулась:

– Наверное, думаешь о чем-то очень серьезном!

– Да о тебе я думал! Извини, доброе утро!

Придя в себя, Бекетов присел рядом с Родимцевой.

Та, продолжая улыбаться, спросила:

– Обо мне? И что же ты думал обо мне?

– Думал, как хорошо, что в моей жизни появилась ты!

– Ой, ой, ой! Так я и поверила!

– Я серьезно, Кристина!

– Да? Хорошо, поверю, а куда направлялся?

Капитан пожал плечами:

– Собственно, никуда. В гарнизоне, как ты знаешь, объявили аврал. Приказано навести марафет, вот и получилось, что я оказался свободным.

– Разве ты не должен руководить подчиненным личным составом?

– Сержанты у меня хорошие. Без взводного знают, что делать.

Кристина повернулась к Юрию:

– Кстати о должности. Почему ты, капитан, до сих пор всего лишь взводом командуешь? Я еще вчера хотела об этом спросить, но забыла.

– Ты видишь в этом что-то зазорное? Или тебя интересуют чины?

– Да нет, но как-то странно получается. Странно и несправедливо. Ты же учился, и должен расти по служебной лестнице!

– Но возьми Краба, капитана Крабова, такого же взводного нашей роты. Образцовый семьянин, почти не пьет, и тоже командует взводом. И таких офицеров много...

– Ой, что это?!

Капитан не понял, но увидел, как испуг исказил черты лица молодой женщины, смотрящей куда-то через его плечо:

– Где?

– Господи, пожар!

Бекетов резко развернулся и увидел столб дыма, поднимающийся над крышей казармы первой роты. Его роты:

– Твою мать! Это ж моя рота горит! А в казарме люди!

Капитан вскочил и побежал к подразделению. Кристина побежала следом, как и многие военнослужащие, заметившие пожар.

Здание барачного типа, построенное в основном из деревянных конструкций и плит ДСП, накрытое шифером, разгорелось в одно мгновение. Когда Бекетов подбежал к казарме, та полыхала вовсю. Рядом стояли бойцы внутреннего наряда, каким-то чудом успевшие вынести из ружейной комнаты оружие и боеприпасы подразделения, а также бойцы, наводившие порядок в кубриках взводов. Капитан осмотрел солдат. Увидел рядом Кристину, за ней двух своих подчиненных. Но только двух, а он оставлял в кубрике троих. Где же третий? А именно ефрейтор Люлин. Капитан крикнул:

– Скодорец!

Солдат подбежал к офицеру:

– Рядовой Скодорец, товарищ капитан!

– Что случилось, Скодорец?

– А хрен его знает! Мы линолеум меняли, а тут вдруг дым повалил из отсека четвертого взвода. Потом пацаны оттуда выскочили. Да как заорут: горим, смывайся! Ну, мы и ломанулись из казармы. У ружейки дежурный по роте перехватил, заставил ящики с патронами и гранатами вытаскивать! Вытащили, а казарма уже вся пылает!

– А где Люлин?

– Иван?

Рядовой оглядел уже приличную толпу, собравшуюся возле полыхающего здания, пожал плечами:

– Не знаю, товарищ капитан! Был с нами в кубрике, а потом, ... потом я не видел его!

– Ищи! Найдешь, ко мне вместе с ним!

– Есть!

Солдат скрылся. Появился ротный, майор Фирсов, и замполит роты капитан Шуршилин. По их виду было заметно, что они тоже бежали к казарме, увидев дым. Майор обратился к Бекетову:

– Что случилось, Юра?

– Не знаю! Боец доложил, что пожар начался с отсека четвертого взвода!

Ротный повысил голос:

– Как это не знаешь? Ты же должен был быть в подразделении?

Бекетов огрызнулся:

– Пыл поубавь, Сергей! Вышел я, когда пожар начался. У бойцов Крабова спроси, отчего произошло возгорание. Это они первыми заметили огонь.

Фирсов процедил:

– Вышел он! А казарма, ...

Шуршилин отвел майора в сторону:

– Успокойся. Казарму поставим, главное люди целы и оружие вынесли!

– А кому за все это блядство отвечать?

– Вместе и ответим.

Подшли две пожарные машины полка внутренних войск. Солдаты быстро размотали рукава и начали поливать крышу, прекрасно осознавая всю тщетность своей работы. Через какое-то время деревянный остов казармы обрушится, обливай ты его или не обливай!

Бекетов смотрел на пылающее здание. Подбежал рядовой Скодорец:

– Товарищ капитан, нет нигде Люлина. Я везде смотрел. Он от казармы никуда уйти не мог!

Страшная мысль пронзила мозг взводного:

– Так, может, он в казарме и остался?

Рядовой побледнел:

– Да что вы! Он мог спокойно покинуть подразделение.

И тут Кристина вцепилась в руку капитана:

– Смотри на крышу, Юра!

Бекетов поднял взгляд и увидел своего пропавшего подчиненного. Тот стоял возле трубы старой газовой печи, с огнетушителем в руках, разбрызгивая вокруг себя совершенно бесполезную в сложившейся обстановке пену. Капитан оторвался от Кристины, рванулся к прапорщику, начальнику пожарной команды, вырвал у него мегафон, закричал:

– Люляй! Кидай огнетушитель и прыгай с крыши! Она вот-вот отвалится! Прыгай, призываю!

Ефрейтор услышал голос командира, отбросил бесполезное средство пожаротушения и сделал шаг к кромке крыши, но тут кровля рухнула, подняв столб искр. Вместе с шифером вниз, в горящее пекло сорвался и Люлин. Толпа вскрикнула. Капитан принял решение мгновенно. Подставив себя под струю воды из пожарного рукава, бросился в полыхающее здание. Сзади услышал замполита:

– Куда, Бекетов? Там смерть!

И крик Кристины:

– Юра-а-а!

Больше капитан не слышал ничего, ворвавшись в помещение дневального. Стены горели, дым полностью закрывал видимость и перебивал дыхание. Но Бекетов знал, где может находиться его солдат, рядом с печью в бытовке. Как знал Юрий, что у него всего полминуты на то, чтобы вынести подчиненного. Поэтому он сразу рванулся вправо сквозь стену огня. Оказавшись в бытовке, капитан упал на пол, перекатился к стене, в которую и была вмонтирована давно не действующая печь. На втором обороте Юрий уперся в тело солдата. Чувствуя, что теряет силы, схватил тело и поднял его на руки. А затем рванул назад, к спасительному выходу, приказывая угасающему сознанию держаться. Держаться во что бы то ни стало.

Оборвав крик, как только Бекетов ворвался в пылающее здание, Кристина закрыла глаза ладошками. На нее никто не обращал внимания, застыв в ожидании скорой и скорее всего трагической развязки. Тишина нависла над толпой. И эту тишину не мог разорвать даже треск бурлящего огненным водоворотом пожара. Ее разорвал одновременный вздох облегчения десятков людей, смотрящих на пылающий вход. Разорвал тогда, когда из огня показалась фигура черного от копоти капитана, который медленно, шатаясь, нес на руках такое же закопченное тело ефрейтора. От этого вздоха открыла глаза Кристина. И тут же бросилась навстречу Бекетову. Но не успела добежать, поддержать. Капитан вдруг опустился на колени и упал, уткнувшись в траву газона, накрыв собой солдата. И она упала рядом с ним. Перевернула на спину, уткнувшись в грудь сквозь обильно проступившие слезы, умоляя офицера:

– Юра! Юрочка! Не умирай! Пожалуйста! Не умирай! Прошу тебя! Господи! Не дай ему уйти, ведь он только пришел!

И вновь:

– Юра! Юра! ...

Ее оторвали от Бекетова.

Дальнейшее она помнила плохо.

Санитарная машина, носилки, белые халаты. Какой-то мужчина над ней. Резкий удар нашатыря в нос. Офицеры, поднявшие ее с земли и усадившие на скамейку курилки, холодная

вода. А в нескольких десятках метрах руины пожарища. Остов казармы рухнул почти сразу после того, как из нее вышел капитан Бекетов.

Очнулся Бекетов, когда за окном было темно, а в палате, в которой он находился, горел синий ночной свет. Очнулся и увидел сидевшую рядом Кристину. Их глаза встретились.

– Кристя, что с Люляем?

– Жив он, Юра, жив. Ожоги, правда, получил сильные, но врачи говорят, что для жизни не опасные. Нogu сломал, но это вообще ерунда. И, как ты, угарным газом отправился. Сейчас в соседней палате лежит. Юра, Юра!

Женщина вдруг заплакала, опустив голову. Бекетов дотянулся, погладил...

– Что ты, Кристина. Не плачь. Все же нормально!

– Да, нормально! Я чуть с ума не сошла, когда ты бросился в огонь! Почему ты обо мне не подумал?

– Ты была в безопасности, солдат же мог погибнуть, а я, дорогая, в ответе за него. Перед родителями в ответе!

– Да, да, конечно, прости, я спросила глупость! Но ты не сказал, голова болит?

– Болит!

– Вот! Начмед так и сказал: когда очнешься, головную боль надо будет снять. Лекарства оставил. Я сейчас дам тебе таблетки, только воды налью.

Кристина встала, взялась за графин. Руки ее дрожали. Горло графина отчетливо выбивало дробь о край стакана, пока она наливала воду. Подала таблетки и стакан. Юрий принял лекарство. Спросил:

– Сильно испугалась утром у казармы?

– Он еще спрашивает! Когда тебя увозили, я потеряла сознание. Нашатырем привели в чувство. Говорю же, чуть с ума не сошла!

Бекетов улыбнулся:

– Значит, полюбила!

Женщина вздохнула:

– Что ж теперь скрывать? Полюбила!

– А почему обреченно говоришь об этом? Словно не радость пришла к тебе, а беда!

– Не думала, что так вот все будет! Но ладно, ты молчи. Тебе нужен отдых.

Капитан возразил:

– По-моему, в отдыхе больше нуждаешься ты, я выспался! Кстати, сильно меня задело?

– Знаешь, ко всеобщему удивлению, нет! Спину обжгло немного, но ты сам, наверное, это чувствуешь, а так внешне ничего не повреждено. Отравление я не считаю! Просто удивительно. Даже волосы не обгорели, но ресницы опалило. Тебе невероятно повезло! Все, кто был возле пожара, думали, что не вернешься из огня!

– Ты в их числе?

– Да. Я тоже так думала. И у меня все разрывалось внутри. Я словно вдруг оказалась вне реальности. Огонь, дым, люди, крики, а потом ... тишина, как признание того, что тебя больше нет. Господи ... не хочу вспоминать!

– И не надо. Получается, пропал наш вечер.

Кристина присела на край кровати:

– Ну о чем ты думаешь? Разве об этом сейчас надо думать?

– А о чем? О пожаре? Он в прошлом, жить же следует настоящим. Я уже говорил об этом, а может, это ты говорила?

– Не помню. И ничего не пропало. Теперь у нас, Юра, если, конечно ты захочешь, все впереди.

Бекетов наигранно возмутился:

– Что значит, если я захочу? Ты на меня стрелки не переводи. Все от тебя зависит!

– Да нет, не от меня! У меня же дочь, Юра, вдруг тебе она придется не по душе? И зачем вешать на себя обузу? Но я пойму! Мне и немного счастья хватит. Осуждать не буду, если решишь бросить. Ведь вокруг столько хороших и одиноких женщин.

На этот раз Бекетов возмутился уже не на шутку:

– А ну прекрати пороть чушь! Ты мне эти мысли брось! За кого ты меня принимаешь? За самца, которому только и нужно, что поиметь самку? Я люблю тебя. Это значит, люблю такой, какая ты есть! С дочерью! Понятно? И чтобы больше я подобных базаров не слышал, ясно?

– Ясно, ясно, успокойся!

– И слезы вытри, не на похоронах!

– Хорошо. Я умоюсь.

– Умойся! И посмотри, пожалуйста, кто сегодня дежурит.

– Я и так знаю. Рая Крабова и начальник медслужбы полка с сестрой, но они следят за твоим солдатом.

– Жена Краба? Это хорошо.

– Почему?

– Ты умойся, умойся.

Кристина подчинилась. С полотенцем вернулась к кровати, переспросила:

– Так почему хорошо, что Рая дежурит?

– Да потому, что при ней мы спокойно слиняем отсюда. И ночь проведем на хате старшины. Он мне ключи от своей квартиры оставил.

– Что ты, Юра? Какой слиняем? Тебе лежать надо!

– И буду лежать, только в другой постели и с тобой! Или ты против?

– Я не против, теперь не против, но тебе нельзя.

– Можно! Я в порядке!

Женщина вздохнула:

– Даже если и так, то ночь-то, Юра, кончилась. Утро на дворе. Шестой час.

Бекетов удивился:

– Seriously?

– Да. Посмотри на часы.

Она показала ему циферблат своих миниатюрных часиков. Бекетов чертыхнулся:

– Ну что за порнуха? Эх, не везет, так не везет!

– Это тебе не везет? Не гневи бога!

– Ладно! Но сегодня вечером...

Кристина закрыла ему рот ладонью:

– Не продолжай. Давай сначалаждемся этого вечера.

Вошла Рая Крабова:

– Во как? Я думала, наш Бекетов спит после убойной дозы лекарств и солидной порции газа, а он уже Кристину обхаживает. Ну, ты даешь, Юра!

Кристина покраснела:

– Да мы ничего, а Юра, он только недавно очнулся.

Рая улыбнулась:

– Ну, конечно, как же иначе? Как самочувствие, спасатель?

– Отлично, Раечка!

– Тогда, сейчас лекарства принесу.

Капитан удержал медсестру:

– Подожди! Я только что проглотил таблетки. Ты мне, Рай, лучше вот на что ответь: мне, случайно, в целях ускорения выздоровливания граммов сто пятьдесят спирта не положено вместо «колес» всяких?

Кристина укоризненно покачала головой.

Юрий проговорил:

– Так я, Кристя, не для кайфа прошу. И не прошу даже, а консультируюсь.

Рая ответила:

– Нет, Бекет, спирт тебе противопоказан! В любом состоянии и в любом месте. На службе ли, дома ли, в общаге, в санчасти. Просек ситуацию?

– Просек! Но тогда мне здесь делать нечего. Позвони мужу, пусть сходит в номер, форму повседневную принесет! И пойдем мы отсюда с Кристиной в счастливое сегодня! А то меня тошнит от больничного духа!

– Тебя от другого тошнит! А насчет того, чтобы уйти сейчас, даже не думай! Осмотр врача пройдешь, и после моей смены хоть куда! Но врач вряд ли отпустит.

– Это кто? Наш батальонный Айболит, Семеныч?

– Да. Капитан Семенов Виктор Петрович.

– Куда он денется, Рая?

– Посмотрим. А пока лежи смирно! Куда рвешься? Кристина с тобой! Что тебе еще от жизни надо?

– А ты не знаешь? Замужняя женщина, и не знаешь?

– Все у вас впереди. И не торопи жизнь, Бекет. Береги, ведь вчера почти потерял ее!

– Почти не считается! Но ладно... С одной женщиной спорить сложно, а с двумя вообще вилы. Посему подчиняюсь.

– Вот так-то лучше. А Кирилл форму тебе принесет, если убедишь Семеныча отпустить тебя. На уважении возьмешь. Уж больно сильно он уважает таких, как ты. Сейчас лекарства принесу.

Медсестра вышла. Капитан взглянул на Кристину:

– Может, пойдешь к себе? Меня до обеда точно здесь прокантуют. Потом дела в штабе. Наверняка дознание Индюк организует, а вечером встретимся у скамейки на аллее, а?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.